
Voennyi

Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2015. Vol.(7). Is. 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 or 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (USA), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA), **Universal Impact Factor** (Australia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.03.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 7.

Voennyi Sbornik

2015

Is.

1

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2015. № 1 (7). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Сорокин Александр – Томский государственный университет, Томск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сеняевская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.03.15.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 7.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

CONTENTS

Articles and Statements

Tatyana A. Kolosovskay “Keeping Solid Memoirs About the Performed Exploits”: a Case for the Caucasus Military-Historical Department’s Role in the Establishment of the Regimental Historiography in the Late XIX c.	4
Nugzar K. Ter-Oganov Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917 (Continuation)	14
Yuri F. Katorin The Price of Carelessness	30
Tatiana P. Khlynina Condition and Organization of Everyday Life in the Military Units of the Southwestern, Stalingrad and Don fronts (1942–1943)	40
Nodar Z. Mossaki Iraqi Military Academies	48

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 7, Is. 1, pp. 4-13, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.7.4
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 93/94

“Keeping Solid Memoirs About the Performed Exploits”: a Case for the Caucasus Military-Historical Department’s Role in the Establishment of the Regimental Historiography in the Late XIX c.

Tatyana A. Kolosovskay

North-Caucasus Federal University, Russian Federation
Pushkin str., 1, Stavropol, 355009
PhD (History), Associate Professor
E-mail: kolosowskay@yandex.ru

Abstract

The aim of this paper is to consider the experience of saving the military sector of the historical memory. It is particularly concern with the issue of the foundation of so-called “regimental historiography” – a corpus of investigations, performed by the militaries about their regiment’s deeds. The article attempts to bring in a number of general questions, related to the history of the troops of the Caucasus Army of the XIX c. The investigation is devoted specifically to the role of the Military-Historical department of the Caucasus Military District General Staff. The research is based on either newspapers (as the “Caucasus Journal”) or primary sources, collected in Federal and regional archives with a particular focus on published “regimental histories” of certain troops.

Based on the approach offered by research direction of the “intellectual history”, the author came to the conclusions, that all regiment histories were written by non-professional historians. Their historical plot was determined by the official ideological background and by the wish for keeping the memory about the war exploits and traditions of their regiment. The work existence depended not only on the author subjective will, but either on financial issues – money need for the papers printing. The Caucasus Military-Historical department’s participation in this process allowed achieving extremely high results. Many printed and edited papers contained much more than making the dry roll-call of battles and military events. They included either reviews of political, historical, cultural and ethnological context, making some shift to mastering the base for the further scientific Caucasus studies.

Keywords: Historical memory; regimental historiography; Caucasus Military District; Caucasus Military-Historical Department; I. S. Chernyavsky.

Введение

Отмечаемый в этом году юбилей победы нашей страны в Великой Отечественной войне вновь привлекает внимание к вопросам формирования и сохранения исторической памяти о войнах. Рассмотрению опыта сохранения военной составляющей исторической памяти, на примере полковой историографии российской армии второй половины XIX в. (опыта не потерявшего своей актуальности и востребованного в наши дни), и будет посвящено настоящее исследование.

Материалы и методы

Основным материалом для анализа послужили полковые истории войсковых частей, боевая деятельность которых была неразрывно связана с Кавказом. Одновременно в работе используются документы фондов войсковых штабов и канцелярий Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) [1] и Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) [2], а также материалы газеты Кавказ – одного из ведущих периодических изданий региона дореволюционного периода.

Официальные документы в виде приказов по Кавказской армии, циркулярных распоряжений, инструкций, рапортов и служебной переписки позволяют выявить особенности решения организационных вопросов по созданию полковых историй, обратить внимание на конкретных людей, принимавших участие в их издании. Привлечение газетных публикаций, в свою очередь, поможет избежать односторонности в оценках и взглянуть на полковые истории глазами людей, не принадлежащих к военной среде.

Опираясь на широкий круг источников и используя подходы интеллектуальной истории, в настоящем исследовании предпринимается попытка выйти за рамки традиционного историографического обзора и показать особенности создания полковых историй на Кавказе с учетом конкретных политических и социокультурных реалий региона второй половины XIX в. Поскольку осветить все многообразие данного процесса в одной статье не представляется возможным, акцентируем внимание на той роли, которую сыграл в нем Военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа.

Обсуждение

В настоящее время историки все чаще проявляют интерес к полковым историям как специфической группе свидетельств о прошлом. Опираясь на материалы полковых историй Д.С. Ткаченко реконструирует повседневную жизнь Самурского пехотного полка в Дагестане [3]. Краткий библиографический обзор полковой историографии Кубанского казачьего войска приводит в своем исследовании М.Е. Колесникова [4].

Список ученых, обращающихся в своих исследовательских практиках к материалам полковых историй можно продолжить. При этом историков, затрагивающих организационные вопросы создания полковых историй не так уж и много. Среди них следует выделить работы И.В. Хохлова [5], О.В. Матвеева [6, 7], Л.М. Паровой [8].

Результаты

Традиции создания полковых историй, как части военной историографии, формируются в России на рубеже XVIII–XIX вв. Писались такие труды преимущественно офицерами полка в военно-воспитательных целях, посвящались шефам полков, и если издавались, то небольшими тиражами [9].

Первым примером подобного рода сочинений в военной литературе Кавказа стала работа поручика Г. Казбека, посвященная истории Грузинского гренадерского полка. Этот полк по праву относится к одной из старейших воинских частей Русской императорской армии, старшинство которой считается с 1700 г. Идея написания его истории возникла в период командования полком князем И.Д. Тархан-Моуравовым (1855–1859 гг.), но к ее реализации приступили уже при новом командире полка – графе Ф.Н. Сумарокове-Эльстоне (1859–1861 гг.). Составление полковой истории было поручено поручику этого же полка Г. Казбеку, который блестяще справился с поставленной перед ним задачей.

Материалами для Казбека послужили дела архива Главного штаба и Главного управления Кавказского наместника. Одновременно автор обращался к источникам, хранящимся в полковом архиве, а также к отдельным сочинениям и журнальным статьям.

Основное содержание работы составило изложение событий военной истории полка с 1800 по 1864 г., т.е. со времени прибытия гренадерского полка на Кавказ до окончания Кавказской войны. Обосновывая цель своего сочинения, автор подчеркивал, что «чем важнее значение Кавказа для будущности России, тем виднее услуга Кавказских войск своему отечеству и тем должны быть памятнее имена его героев в истории русского народа» [10]. Более того, в дальнейшем, по мнению автора, его труд должен был стать материалом для составления подробного описания самой Кавказской войны.

Полковому историку удалось представить летопись боевой жизни полка в контексте событий военно-политической истории Кавказа, охарактеризовать исторические портреты его выдающихся деятелей, включить в нить своего повествования историко-этнографические зарисовки местного населения. Это выгодно отличало труд Г. Казбека от других произведений подобного жанра, небезосновательно критикуемых современниками за чрезмерное внимание «к выпушкам и кантикам» [11].

В середине 60-х гг. XIX в., после завершения активных военных действий на Западном Кавказе, вопрос о создании историй боевой жизни кавказский войсковых частей перестает быть частным делом и берется под контроль военной администрации. Переход к новому, мирному этапу развития региона в составе Российской империи позволил военным властями заняться сохранением памяти о минувших событиях и их участниках.

С инициативой увековечивания памяти об офицерах и солдатах, служивших на Кавказе, выступил главнокомандующий Кавказской армией и наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич. Весной 1865 г., «желая сохранить для потомства по возможности полное и подробное повествование тех подвигов, которые совершены были частями войск и отдельными лицами в течение непрерывной войны с горцами», он распорядился, чтобы «во всех полках и отдельных батальонах была составлена история их действий и всей жизни на Кавказе» [12]. Офицеров, предназначенных для этой работы, Михаил Николаевич разрешал освободить от некоторых служебных обязанностей и отправить «для занятия в тех архивах, где хранятся старые дела и документы» [13]. Немедленно в адрес всех окружных начальников, бригадных и полковых командиров было направлено соответствующее распоряжение.

Инициатива главнокомандующего нашла живой отклик на местах. При этом, как свидетельствуют архивные материалы, одной из самых распространенных проблем на пути ее реализации стало отсутствие офицеров, готовых взяться за написание подобных «историй». «...Принимая во внимание то, что для этого важного и обширного труда нужны офицеры подготовленные посредством хотя бы общего образования, – писал в штаб командир 4-й бригады Кубанского казачьего войска, – которых во вверенной мне бригаде, кроме двух выпускных из Кадетских корпусов, именно сотников Щекина и Есаулова, не имеется, я поставлен в большое затруднение исполнить это требование, тем более, что названные офицеры в настоящее время в командировке...» [14] Начальник 1-й бригады того же войска сообщал, что «при всем желании моем исполнить сие распоряжение, я встречаю к тому крайние затруднения по неимению в 1-й бригаде офицеров, на которых бы можно было возложить подобный труд, и кроме того архив полкового управления находится в таком положении, что прежде нужно употребить много времени и средств для приведения его в такой порядок, при котором можно было бы извлечь из него полезные материалы...» [15]

На подобные сетования начальник штаба в свою очередь неизменно отвечал следующее: «Наказный атаман не допускает мысли, чтобы из всего Кубанского войска Ваша бригада могла так неудачно выделиться в этом отношении от других отдельных частей Кубанского войска, которые одними или другими способами нашли возможность составления требуемого...» [16].

Некоторые командиры, не находя иного выхода, брались за написание полковых историй самостоятельно. «Не имея во вверенном мне полку такого из свободных офицера с способностями, которому бы можно было поручить составление истории о действиях Адагумского полка..., – писал в своем рапорте его командир, – я приступил к этому сам» [17]. При этом вышестоящее начальство ставилось перед фактом, что «имея занятия по управлению полком с народонаселением, в связи с многосторонними делами... я без постоянного помощника, при всем желании не могу в короткий срок окончить истории» [18].

К числу полковых командиров, решивших самостоятельно написать историю возглавляемой части, относился и командир Псекупского пехотного полка И.Д. Попко, в дальнейшем сыгравший важную роль в создании полковой историографии Терского казачьего войска [19]. Но чаще всего, вопрос написания полковых историй возлагался либо на создаваемые из офицеров «особые комиссии», либо на адъютантов.

В последующие три-четыре года кавказские воинские части представили в штаб округа 32 рукописи [20]. Большинство из них так и не было опубликовано, поскольку их редактирование и печать требовало значительных материальных средств.

Следующий этап в развитии кавказской полковой историографии приходится на середину 70-х гг. XIX в. и неразрывно связан с итогами военных реформ Д.А. Милютина. Введение в России всеобщей воинской повинности привело к значительному сокращению в полках ветеранов, являвшихся живыми носителями боевых традиций. Это выдвинуло на первый план вопрос о военно-воспитательной работе в войсках. Вновь поступающих новобранцев необходимо было знакомить с историей, с обычаями тех частей, в которые они недавно прибыли. О важности подобного рода работы один из боевых генералов того времени говорил следующее: «Неучи победить еще могут, но люди, не дорожащие честью полкового мундира, – не победят никогда» [21]. Одним из способов воспитательного воздействия на новобранцев, в условиях значительного распространения грамотности среди населения, становится знакомство их с полковыми историями.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. разворачивается работа по составлению описания участия в ней войсковых частей. Толчком к этому послужил приказ № 1 по гвардейскому корпусу 1879 г. Бывший командиром этого корпуса, наследник престола цесаревич Александр Александрович, обязал отдельные гвардейские части войск приступить к составлению их историй за время истекшей кампании.

Военный Кавказ так же откликнулся на этот призыв. В феврале 1879 г. главнокомандующий Кавказской армией Михаил Николаевич издал приказ по Кавказской армии № 55, в котором распорядился во всех частях войск Кавказского военного округа приступить к составлению описаний участия их как в войне с турками 1877–1878 гг., так и внутри края, во время бывших восстаний горцев. Для сбора и обработки относящихся к этому материалов, в каждой отдельной части назначался офицер, которого освобождали от служебных занятий [22].

При составлении описаний следовало руководствоваться специально разработанной программой. В ней подчеркивалось, что изложение событий необходимо начинать с объявления мобилизации и заканчивать возвращением части «на постоянные квартиры и приведения ее в мирный состав». Описание создавать, по возможности, максимально подробным и «относиться, с одинаковым вниманием, как к действиям боевым, так и походным движениям, мерам охранения и разведывания, бивачному расположению, способам довольствия, состоянию материальной части, порядку ведения полковой, ротной, эскадронной и батареинной отчетности и т.п.» [23].

Приветствовалось стремление авторов к правдивому и беспристрастному изложению. Для этого необходимо было опираться на официальные документы (приказы, реляции и т.п.), воспоминания офицеров и солдат, принимавших непосредственное участие в событиях.

Большое значение в создаваемых описаниях отводилось единообразию составления научно-справочного аппарата. Предусматривались обязательные сноски на источники, из которых брались факты, поощрялась разработка приложений в виде, например, именных списков всех офицеров, участвовавших в походе, убитых, раненых и георгиевских кавалеров. В роли приложения могли выступать также перечни совершенных солдатами подвигов, с подробным изложением обстоятельств каждого из них. При этом инструкция не ограничивала возможность проявления инициативы и более подробные правила разработки описаний оставались на усмотрение начальников отдельных частей.

Подготовленные рукописи поступали в штаб Кавказского военного округа, где для их редактирования и издания создали Военно-исторический отдел, под руководством генерала И.С. Чернявского. Его сотрудники, согласно официальной установке, должны были содействовать публикации полных, систематических и правдивых описаний всех событий войны, «но не вдающихся в несвоевременную критику» [24].

Через год с небольшим, после появления приказа № 55, кавказская военно-историческая литература была пополнена семью новыми сочинениями. «Если взять во внимание, что все эти семь описаний составляют до 100 печатных листов, с картами и планами, и что все они редактированы при штабе Кавказского военного округа, а шесть из них изданы в течение одного года, – отмечалось на страницах газеты Кавказ, – то остается только удивляться той энергии и быстроте, с которыми приводится в исполнение распоряжение (о создании полковых историй – Т.К.)» [25].

В числе вышедших в свет корреспондент газеты называл следующие сочинения: 1) Описание боевой жизни 3-го Кавказского стрелкового батальона – майора Цезарского, 2) те же описания, но лишь в минувшую войну 4-го стрелкового батальона – штабс-капитана Попова, 3) 1-го Кавказского стрелкового батальона – штабс-капитана Курочкина и прапорщика Сергеева; 4) Владикавказского пехотного полка – штабс-капитана Мышляева; 5) Кубинского пехотного полка – штабс-капитана Поземковского; 6) Эриванского гренадерского полка – майора Шабанова; 7) Тифлиского гренадерского полка – майора Борковского [26]. Произведения назывались по мере того, как выходили в свет.

Из представленного списка лишь описание Цезарского было опубликовано в 1880 г. (все остальные помечены 1881 г.) и создано по частной инициативе. Из предисловия к этой работе мы узнаем, что ее автор, покидая батальон, в котором провел всю службу, из-за тяжелой болезни, составил его историю в память своим товарищам. «...Оставаясь в батальоне последним из старослужащих, – отмечает Цезарский, – и видя, что изглаживаются воспоминания о прошедших его деяниях, я решился записать их в настоящий рассказ, чтобы не угасли бесследно. От души желаю, чтобы наши последователи, читая его и вспоминая о былом, одушевлялись и запечатлевали в душе своей любовь и привязанность к славному имени части, в которой им придется служить...» [27].

В первой части работы Цезарского речь шла о кавказском периоде в жизни и деятельности батальона. В ней автор упоминает общие исторические события и явления в крае и таким образом знакомит читателя с эпохой и средой, в которой действовал батальон. Остальные, представленные выше, работы посвящались описанию боевой жизни конкретной воинской части в период русско-турецкой войны 1877–1878 г. Хотя предназначались они, в первую очередь, для военнослужащих, тем не менее, не исключалась возможность обращения к ним широкого круга гражданских читателей. «Может случиться, – замечает один из авторов, – что настоящее описание почему-либо остановит внимание и не военного человека – читателя, литератора, историка или кого-нибудь другого в этом роде» [28]. Отсюда общее стремление «скользнуть по пережитой прошлой жизни» описываемой части.

Поскольку все упомянутые полковые истории, писались по установленным правилам и выходили в свет под редакцией Военно-исторического отдела, в них использовались единые приемы представления материала. Так, например, все, что не касалось непосредственной деятельности полка или батальона, было вынесено в особые замечания и приложения в конце книги. Это давало возможность быстро отыскать необходимую справку и не рассеивать внимание читателя.

Особой похвалы со стороны критиков удостоилась история Эриванского гренадерского полка, написанная майором Шабановым. «Кроме вполне удовлетворительной редакционной стороны, сочинение включает в себе ряд глав, в которых нет ничего такого, что можно было-бы выбросить без ущерба для истории и без потери для читателя, – отмечал рецензент. – Во многих местах видно, что пером руководила рука достаточно опытная для дела, за которое принялась» [29]. Действительно у майора Шабанова за плечами уже был опыт подготовки подобных сочинений. Именно он стал первым, кому поручили собрать сведения и составить историю подвигов и боевой жизни Эриванского полка. Первая часть этого труда, включающая в себя события с 1642 по 1825 г. была издана еще до русско-турецкой войны [30].

Заслуживает внимания стремление майора Шабанова к правдивости изложения. Как подчеркивал рецензент, «описание приобретает тем большее значение что в нем то там, то сям, выбиваются целые строфы, а иногда страницы, где тонко, деликатно, но все же не пощажены те или другие наши слабости и упущения, те или другие недостатки руководителей наших в минувшую войну. Это чрезвычайно важные сказания от лица

участника и деятеля войны: правдивый будущий историк ими воспользуется с благодарностью. В то же время это делает честь и тем цензорам, через руки которых прошло описание» [31].

В 1882 г. под редакцией Кавказского Военно-исторического отдела было опубликовано еще три труда: 1) Описание боевой жизни 80-го пехотного Кабардинского полка, при подавлении восстания горцев в Терской и Дагестанской областях, во время минувшей войны – Вискунова; 2) Описание боевой жизни в минувшую войну 2-го Кавказского стрелкового батальона – штабс-капитан Иванова; 3) Описание боевой жизни в минувшую войну Кавказской Гренадерской великого князя Михаила Николаевича артиллерийской бригады – штабс-капитана Мамышева.

Все три сочинения, общим объемом около тридцати печатных листов, включали в себя повествование о деятельности конкретной части. При этом, по замечанию критиков, каждое из них представляло собой и особый, более широкий интерес. Положительной оценки современников была удостоена и редакционно-издательская деятельность Военно-исторического отдела. «Если бы также было поступлено и в отношении нашей войны с турками в 1853–1856 гг., – отмечалось на страницах газеты, – то мы бы давно имели то, чего не имеем до сих пор, именно подробное и полное описание этой войны и, конечно, во многих случаях приобрели бы больше необходимых знаний и сделали бы меньше ошибок, чем это случилось во время истекшей кампании. При таком условии нельзя не желать, в интересах науки и для преуспеяния в будущем русского оружия, сколь возможно большего числа таких боевых описаний, которые изданы доселе при штабе Кавказского военного округа, далеко опередившем в этом случае, в сравнительный период времени, все другие высшие военные учреждения империи» [32].

В 1884 г., приказом по Кавказскому военному округу Военно-историческому отделу была объявлена благодарность. Командующий войсками князь А.М. Дондуков-Корсаков подчеркивал, что «со времени образования этого учреждения в 1880 г. и фактического исполнения приказа по Кавказской армии и Кавказскому военному округу от 20-го февраля 1879 г. за № 55, в коем... было предписано озаботиться составлением в частях войск описаний их деятельности в минувшую войну, Военно-исторический отдел отпечатал двенадцать книг подобных сочинений; из них каждая составляет солидное и компактное издание» [33].

Одновременно отмечались заслуги отдела в деле инициированном великим князем Михаил Николаевичем еще в 1865 г. В этом отношении было издано «три цельных истории частей войск со дня их сформирования, с переводом одной из них на туземный язык». Подводя итог, Дондуков-Корсаков подчеркивал, что Кавказский Военно-исторический отдел, «будучи, между прочим, единственным в этом роде учреждением в империи при окружных штабах» в течение четырех лет издал в общей сложности «двадцать отдельных томов весьма серьезных и важных трудов. Таким образом он далеко превзошел те ожидания, которые были положены в основание дела при его образовании, и до крайних пределов расширил, по собственной инициативе, преподанную ему программу» [34]. При этом подчеркивалось, что за всей этой работой стоял немногочисленный коллектив отдела в лице его начальника – генерал-майора Чернявского, и его сотрудников – коллежского советника Волконского, капитана Юрова 1-го, а также поручика Ендржеевского.

В 90-е гг. XIX в. деятельность отдела сосредотачивается на издании полковых историй тех частей, боевой путь которых непосредственно связан с военной историей Кавказа. Примером тому, может служить опубликованная в 1897 г., в Тифлисе, под редакцией И.С. Чернявского «Боевая летопись Дагестанского полка» [35]. Ее автором был штабс-капитан Игнатович служивший в этом полку с начала 1850-х гг.

Дагестанский полк принимал участие в военных действиях на Северо-Восточном Кавказе, а в 1860–1861 гг. на Западном Кавказе. Основав свою штаб-квартиру в Ишкартах, на границах с имаматом Шамиля, полк вынужден был отражать бесконечные нападения мелких партий немирных горцев. Поэтому история Дагестанского полка интересна не столько по изложению тех крупных военных операций, в которых он принимал участие, сколько по рассказу о постоянных стычках, которые составляли повседневность солдат и офицеров, служба которых проходила на передовых кавказских линиях.

В помощь авторам, занимающимся написанием полковых историй кавказских частей, в 1896 г. под редакцией Военно-исторического отдела была издана «Хроника Кавказских войск». Она представляла собой капитальное сочинение, написанное на основе архивных источников и официальных документов, о развитии российских регулярных войск на Кавказе с XVIII в. Ее автором был отставной генерал-майор А.Л. Гизетти. В предисловии к своему труду он писал: «Занимаясь в течение нескольких лет собиранием официальных сведений по историческому развитию и устройству Кавказских войск, и зная сколько времени тратится составителями полковых историй на отыскание архивных материалов, особенно для старых полков, я решил принести им посильную помощь, составив Хронику кавказских и служивших на Кавказе отдельных войсковых частей» [36].

В целом опыт централизованного написания полковых историй кавказских частей показал, что без должной подготовительной работы, и прежде всего без разбора кавказских военных архивов, справиться с поставленной задачей невозможно. Поэтому параллельно с организационными вопросами по публикации полковых историй Военно-исторический отдел берет за весьма сложное дело по разбору материалов местных военных архивов.

В 1881 г. в адрес командующих войсками Терской и Кубанской областей И.С. Чернявский направляет письма с просьбой оказать содействие созданию военной истории Кавказа и для этого командировать в архивы офицеров для извлечения дел, включающих в себя материал военно-исторического характера с древнейших времен до 1864 г. «В вверенной Вам области (Терской, – Т.К.), – отмечалось в письме к А.П. Свистуну, – пока имеются ввиду несколько пунктов, содержащих в себе архивы для изысканий, именно: Владикавказ, Моздок, Кизляр, Георгиевск, Нальчик, Грозный и некоторые станицы и в эти пункты предназначаются для изысканий два штаб-офицера и два обер-офицера или чиновников» [37]. В Кубанской области «архивные изыскания» осуществлялись в архивах Екатеринодара, Майкопа, станицы Уманской и проходили под непосредственным контролем наказного атамана Н.Н. Кармалина [38].

В результате обследования местных военных архивов при Военно-историческом отделе удалось собрать значительный источниковый материал для написания военной истории Кавказа. Но к реализации этого грандиозного проекта И.С. Чернявский приступить не успел, поскольку был приглашен в С.-Петербург, в Военно-историческую комиссию Главного штаба, для подготовки к изданию материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказском театре военных действий. В 1899 г. начальником Кавказского Военно-исторического отдела был назначен в то время уже достаточно известный военный историк генерал В.А. Потто. С именем последнего связан новый этап в деятельности отдела и следующая веха в развитии кавказской полковой историографии.

Выводы

Исследование вопросов развития полковой историографии на Кавказе показывает, что авторами полковых историй, чаще всего становились люди, не являвшиеся профессиональными историками. Их историческое мышление определялось мировоззренческими установками, господствовавшими в их время и стремлением сохранить память о боевых подвигах и традициях своей части. Процесс написания полковой истории зависел не только от воли автора и его личного опыта. Во многом он определялся наличием материалов и необходимых средств на издание. Решением этих вопросов на Кавказе занимался Военно-исторический отдел, деятельность которого оказалась столь успешной, что к началу XX в. почти все войсковые части Кавказского военного округа располагали своими историями [39]. Многие из них по своему содержанию выходили далеко за рамки сухого перечня военных сражений. Включая в себя общие исторические и этнографические обзоры, описания местностей и народов на ней проживающих, они постепенно формировали основу для создания научного исторического кавказоведения.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв.», проект № 14-01-00251.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 254. Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска; Ф. 396 Войсковой штаб Кубанского казачьего войска.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 15. Военная канцелярия командующего войсками в Терской области.
3. Ткаченко Д.С. «Там, в горах Дагестана, на урочище Дешлагар». Повседневная жизнь в 83-м пехотном Самурском полку // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 68–73.
4. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
5. Хохлов И.В. Полковая историография русской армии в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 159–166.
6. Матвеев О.В. Великий князь Михаил Николаевич на завершающем этапе Кавказской войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2009. № 3 (13). С. 21–29.
7. Матвеев О.В. К историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Краснодар, 2006. Т. 1 (22). С. 58–73.
8. Парова Л.М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 87–91.
9. Историография войсковых частей // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 11. С. 78.
10. Казбек Г. История Грузинского гренадерского Е.И.В. великого князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. I – II.
11. Историография войсковых частей // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 11. С. 79.
12. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.
13. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.
14. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 55.
15. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 48 – 48об.
16. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 39.
17. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 69.
18. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 69 об.
19. Колосовская Т.А. «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления»: историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 53–58.
20. Парова Л.М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 87.
21. Цит. по: Потто В.А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1906. Вып. 1. С. II.
22. Приказ по Кавказской армии и Кавказскому военному округу № 55. 20 февраля 1879 г. Тифлис.
23. Общие основания при составлении описания участия части в минувшей войне. Приложение к приказу по Кавказской армии и Кавказскому военному округу № 55.
24. Военно-историческая комиссия по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6. С. 510.
25. Кавказ. 1881. № 277.
26. Кавказ. 1881. № 277.
27. Цезарский А.С. Описание боевой жизни 3-го Кавказского стрелкового батальона. Тифлис, 1881. С. 1.
28. Попов Описание боевой жизни 4-го Кавказского стрелкового батальона в минувшую войну 1877–1878 гг. Тифлис, 1881. С. 1.
29. Кавказ. 1881. № 277.
30. Шабанов История Лейб-Гренадерского Эриванского его величества Александра Николаевича полка. Тифлис, 1871. Ч. 1. От сформирования полка до его прибытия на Манглис.
31. Кавказ. 1881. № 278.
32. Кавказ. 1882. № 142.
33. Приказ по Кавказскому военному округу № 288. 22 ноября 1884 г. Тифлис.
34. Приказ по Кавказскому военному округу № 288. 22 ноября 1884 г. Тифлис.

35. Игнатович Боевой летописи 82-го пехотного Дагестанского Е.И.В. великого князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны (1845–1861 гг.). Тифлис, 1897.
36. Гизетти А.Л. Хроника Кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч. 1. С. III.
37. ЦГА РСО-А. Ф. 15. Оп. 1. Д. 264. Ч. 1. Л. 1 – 10б.
38. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3398. Л. 1 – 33об.
39. Историография войсковых частей // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 11. С. 79.

References:

1. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK). F. 254. Voiskovoe dezhurstvo Kubanskogo kazach'ego voiska; F. 396 Voiskovoi shtab Kubanskogo kazach'ego voiska.
2. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya (TsGA RSO-A). F. 15. Voennaya kantselyariya komanduyushchego voiskami v Terskoi oblasti.
3. Tkachenko D.S. «Tam, v gorakh Dagestana, na urochishche Deshlagar». Povsednevnyaya zhizn' v 83-m pekhotnom Samurskom polku // Voенno-istoricheskii zhurnal. 2013. № 9. S. 68–73.
4. Kolesnikova M.E. Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v. 2-e izd., dop. Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. 496 s.
5. Khokhlov I.V. Polkovaya istoriografiya russkoi armii v kontse XIX – nachale XX v. // Voprosy istorii. 2008. № 2. S. 159–166.
6. Matveev O.V. Velikii knyaz' Mikhail Nikolaevich na zavershayushchem etape Kavkazskoi voiny // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2009. № 3 (13). S. 21–29.
7. Matveev O.V. K istoriografii 1-go Kavkazskogo namestnika Ekaterinoslavskogo general-fel'dmarshala knyazya Potemkina-Tavrisheskogo polka Kubanskogo kazach'ego voiska // Kubanskii sbornik. Krasnodar, 2006. Т. 1 (22). S. 58–73.
8. Parova L.M. Sozdanie i deyatel'nost' Voенno-istoricheskogo otdela shtaba Kavkazskogo voennogo okruga // Voенno-istoricheskii zhurnal. 1988. № 5. S. 87 – 91.
9. Istoriografiya voiskovykh chastei // Voennaya entsiklopediya. SPb., 1913. Т. 11. S. 78.
10. Kazbek G. Istoriya Gruzinskogo grenaderskogo E.I.V. velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha polka, v svyazi s istoriei Kavkazskoi voiny. Tiflis, 1865. S. I – II.
11. Istoriografiya voiskovykh chastei // Voennaya entsiklopediya. SPb., 1913. Т. 11. S. 79.
12. GAKK. F. 254. Op. 2. D. 216. L. 2.
13. GAKK. F. 254. Op. 2. D. 216. L. 2.
14. GAKK. F. 254. Op. 2. D. 216. L. 55.
15. GAKK. F. 254. Op. 2. D. 216. L. 48 – 48ob.
16. GAKK. F. 254. Op. 2. D. 216. L. 39.
17. GAKK. F. 254. Op. 2. D. 216. L. 69.
18. GAKK. F. 254. Op. 2. D. 216. L. 69 ob.
19. Kolosovskaya T.A. «Poka arkhivy ne sdelalis' dobychei pozhara ili tleniya»: istoriko-issledovatel'skaya deyatel'nost' general-leitenanta I.D. Popko // Voенno-istoricheskii zhurnal. 2014. № 4. S. 53–58.
20. Parova L.M. Sozdanie i deyatel'nost' Voенno-istoricheskogo otdela shtaba Kavkazskogo voennogo okruga // Voенno-istoricheskii zhurnal. 1988. № 5. S. 87.
21. Tsit. po: Potto V.A. Pamyatniki vremen utverzheniya russkogo vladychestva na Kavkaze. Tiflis, 1906. Vyp. 1. S. II.
22. Prikaz po Kavkazskoi armii i Kavkazskomu voennomu okrugu № 55. 20 fevralya 1879 g. Tiflis.
23. Obschie osnovaniya pri sostavlenii opisaniya uchastiya chasti v minuvshei voine. Prilozhenie k prikazu po Kavkazskoi armii i Kavkazskomu voennomu okrugu № 55.
24. Voенno-istoricheskaya komissiya po opisaniyu russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. // Voennaya entsiklopediya. SPb., 1912. Т. 6. S. 510.
25. Kavkaz. 1881. № 277.
26. Kavkaz. 1881. № 277.
27. Tsezarskii A.S. Opisanie boevoi zhizni 3-go Kavkazskogo strelkovogo batal'ona. Tiflis, 1881. S. 1.
28. Popov Opisanie boevoi zhizni 4-go Kavkazskogo strelkovogo batal'ona v minuvshuyu voinu 1877–1878 gg. Tiflis, 1881. S. 1.
29. Kavkaz. 1881. № 277.

30. Shabanov Istoriya Leib-Grenaderskogo Erivanskogo ego velichestva Aleksandra Nikolaevicha polka. Tiflis, 1871. Ch. 1. Ot sformirovaniya polka do ego pribytiya na Manglis.
31. Kavkaz. 1881. № 278.
32. Kavkaz. 1882. № 142.
33. Prikaz po Kavkazskomu voennomu okrugu № 288. 22 noyabrya 1884 g. Tiflis.
34. Prikaz po Kavkazskomu voennomu okrugu № 288. 22 noyabrya 1884 g. Tiflis.
35. Ignatovich Boevoi letopisi 82-go pekhotnogo Dagestanskogo E.I.V. velikogo knyazya Nikolaya Mikhailovicha polka vo vremya Kavkazskoi voyny (1845–1861 gg.). Tiflis, 1897.
36. Gizetti A.L. Khronika Kavkazskikh voisk. V 2-kh chastyakh. Tiflis, 1896. Ch. 1. S. III.
37. TsGA RSO-A. F. 15. Op. 1. D. 264. Ch. 1. L. 1 – 10b.
38. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 3398. L. 1 – 330b.
39. Istoriografiya voiskovykh chastei // Voennaya entsiklopediya. SPb., 1913. T. 11. S. 79.

УДК 93/94

**«Сохраняя правдивую память о совершенных подвигах»:
о роли Кавказского военно-исторического отдела в развитии полковой
историографии во второй половине XIX в.**

Татьяна Александровна Колосовская

Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: kolosowskay@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению опыта сохранения военной составляющей исторической памяти, на примере полковой историографии русской армии второй половины XIX в. Ее целью является выявление особенностей создания историй войсковых частей, боевая деятельность которых была неразрывно связана с Кавказом. Акцентируется внимание на той роли, которую сыграл в развитии полковой историографии Военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа. Основным материалом для анализа послужили полковые истории кавказских частей, а также материалы региональных архивов (ГАКК, ЦГА РСО-А) и периодических изданий (газета Кавказ).

Основываясь на подходах интеллектуальной истории, в статье делается вывод о том, что полковые истории создавались людьми, не являвшимися профессиональными историками. Их историческое мышление определялось мировоззренческими установками, господствовавшими в их время и стремлением сохранить память о боевых подвигах и традициях своей части. Написание полковой истории зависело не только от воли автора и его личного опыта, но определялось также наличием материалов и необходимых средств на издание. Включение в этот процесс Кавказского Военно-исторического отдела сыграло положительную роль и позволило добиться значительных результатов. Изданные под редакцией отдела полковые истории по своему содержанию выходили далеко за рамки сухого перечня военных сражений. Включая в себя общие исторические и этнографические обзоры, описания местностей и народов на ней проживающих, они постепенно формировали основу для создания научного исторического кавказоведения.

Ключевые слова: историческая память; полковая историография; Кавказский военный округ; Военно-исторический отдел; И.С. Чернявский.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 7, Is. 1, pp. 14-29, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.7.14
www.ejournal6.com

CDU93

**Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front
as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran
in 1914–1917 (Continuation)¹**

Nugzar K. Ter-Oganov

Tel Aviv University Center for Iranian Studies, Israel
Dr. (History)
E-mail: nteroganov@yahoo.com

Abstract

This study attempts to analyze the letters of officer/orientalist and military oriental scholar, officer in the Intelligence Section of the Staff of the Caucasian Military District, Staff Captain Konstantin Nikolayevich Smirnov, sent by him from the Turkish and Iranian sectors of the Caucasian front to his wife Kseniya Karlovna Smirnova (Kester) over the period 1914–1917.

Depending on changes in the deployment of Russian troops fighting against the Turkish army, as well as the German-Turkish block, both in the north-eastern part of Turkey and in the north-west of Iran, K.N. Smirnov had sent those letters from Kamarli, Diadin, Iğdır, Beyazit, Trebizond, Kazvin, Kermanshah, Kerind, Qasr-e Shirin, Ava now to Tiflis and now to Sevastopol, Hamadan, and Kazvin, where his wife was staying at that particular point in time.

K.N. Smirnov's surviving letters, just like their fragments, give us an idea of the military/political situation along the line of contact with the enemy on the Caucasian front, as well as many aspects of the activity of officers from the Expeditionary Corps of General N.N. Baratov in Iran over the period 1915–1917. Of interest is his characterization of the personal qualities of many Russian officers, such as General N.N. Baratov, the immediate superior of Staff Captain Smirnov, who at the time headed the reconnaissance unit of the Expeditionary Corps, Colonel N.F. Ern, Chief of Staff, and other officers of the corps. The letters also bring to light the character of activity by K.N. Smirnov as a "political officer".

K.N. Smirnov's letters contain extremely rare information on the episode of short-term Anglo-Russian military cooperation on the Caucasian front intended to coordinate actions against Turkish troops in Mesopotamia.

Keywords: Caucasian front; World War I; letters; officer/orientalist; K.N. Smirnov.

Дело 63:

Казвин, 1 января 1916 г.

Мы с Баратовым Новый год начали совсем добродетельно. В виду того, что в городе циркулируют слухи о том, что пленным плохо (а положение их было действительно

¹ Начало в: Voennyi Sbornik, 2014, Vol.(6), Is. 4.

неудовлетворительно), то я предложил Баратову начать Новый год с доброго дела – посещения пленных. Сначала мы поехали с ним в церковь, принимали парад, потом в 8-й лазарет Красного Креста, где Б[аратов] раздавал присланные от имени Государыни крестики на разноцветных шнурочках. Каждому предлагал сам выбрать ленточку, а георгиевским кавалерам или раненым, большею частью давал георгиевский шнурочек. Растрогал Баратова один перс. Он первый попал в госпиталь Красного Креста, т.к. как раз накануне открытия случилась та перестрелка, о которой я тебе писал и полицейского очень сильно раненого взяли в русский госпиталь. Ему пуля прошла под глазом, через рот и вышла через горло, т[ак] что у него в шею вставлена трубочка для дыхания и говорить он может только шепотом. Он высказал желание старшей сестры, которая его и выходила (весьма самоотверженная старая дева вроде монахини с целой колодкой медалей) тоже получить крест, поцеловал его и надел себе на шею, чем расстрогал всех присутствовавших. Затем поехали мы на этап. Командир корпуса, как я и думал, обратил внимание на многие непорядки и обещал удовлетворить многие претензии пленных и дал им на 5 рублей папиросы, котор[ые] я утром послал купить для этого на базаре. Одного освободили и первая бумага, которую я написал в этом году, была об освобождении этого арестанта. На возвратном пути приняли армянскую депутацию и затем в 4 часа был прием персов, которыми я тоже распорядился и ублажал персюков. Вообще действительно, на счастье персов попались Баратов и я. Они нам все время это говорят, может быть это с их стороны и комплимент, но, по правде сказать, это чистая правда. Баратов очень человечно относится к персам, как и вообще ко всем, а мои взгляды ты вообще знаешь. При всех теперешних трудах мне большое удовольствие доставляет сознание, что я многим устраиваю дела. Кому свидетельство, кому пропуск, кому укажу, куда обратиться с жалобой, все это делал без отказа и скорей провожу все эти дела. При этом я вспоминаю те пакости, которые иногда персюки делали мне, то что дед мой был в плену у персюков и подобная месть доставляет большое удовлетворение. Вместо Шарпантье [1] ведет драгун Белосельский-Белозерский, это, кажется, родственник Скобелева. Шарпантье, собственно говоря, старше Баратова и потому неизбежны были-бы трения. В военном отношении везет этому человеку. Вот хотя бы бой под Рабат-Керимом. Дело было так:

Фарман Фарма узнав, что разбойник Амир-Хешмет хочет зайти в тыл нашим войскам и, оценив значение нашей неудачи для него самого, сообщил об этом через Прозоркевича (к[оманди]-р Перс[идской] Казачьей бригады) ...Б[аратову] вопреки приказанию В[еликого] Кн[язя] не трогать Тегеранский отряд, чтобы они не скучали хором дать им маленькое дело, и послал их в набег на Амир-Хешмета, которого, как и следовало ожидать, совершенно разбили и обратили в бегство, при чем в одну ночь конный отряд прошел 75 верст. Оказалось-же, что Амир-Хешмет не столько угрожал нашему тылу, как имел совершенно другое намерение: сделать самому набег на Тегеран, захватить всю наличность банков, арестовать посланников, учинить большой грабеж и увезти Шаха в Исфаган. Почему-то он задержался на один или два дня в Рабат-Кериме, быть может встревоженный движением другого нашего отряда к Куму и совершенно неожиданно подвергся удару конного отряда, производившего набег. Таким образом, совершенно случайно Б[аратов] спас Тегеран от большой катастрофы, которая могла-бы иметь громадное значение. Сам Баратов оценил значение всего этого только через несколько дней, когда получились бакинские газеты и в особенности, когда приехал к отцу сын губернатора – камергер Шаха (тот, который и хорошо говорит по-русски и читает ему все), который ему и рассказал, чего опасались в Тегеране. Но дай Бог, побольше людей, которым ввезет в начальствующие лица. В сущности, всегда военные удачи и неудачи происходят из-за неожиданных пустяков.

Забыл я тебе написать о маленьком афронте, который я лично получил в Тегеране, но это такой пустяк, что не стоит об этом и думать, хотя отчасти виноват я сам.

В первый день по церемониалу, данному Посланником, я развез карточки Баратова посланникам дружественных держав, а нейтральных в списке не было (американец и испанец). На третий день повез я им тоже карточки Баратова, и, закончив со всем этим, принялся за свои собственные визиты. Нарочно сделал так: отдал карточки Баратова у испанской миссии, поехал в другие места и потом через несколько минут вернулся уже к испанцам т.к. хором повидать их и зайти (посланник Испании был Ромеро Дусмет). Когда я подлетел в автомобиле, то какие-то всадники, как всегда, отскочили в сторону – лошади

всегда пугаются автомобилей, и я не обратил внимания, что это за всадники. Вошел на балкон, увидел в глубине сада какие-то экипажи, спрашиваю, принимают, говорят: пожалуйста карточку, и потом человек выходит и говорит буквально: "времени нет" – ни объяснения причины, ни извинения – ничего. Я отдал другую карточку и ушел, уходя, я уже обратил внимание на собравшихся опять всадников – это были жандармы и турецкий гулям, тогда я всмотревшись в экипаж, узнал карету турецкого посла. Конечно, жаль, что я раньше этого не заметил, но все-же отказано было мне в весьма невежливой форме; кроме того, это было в 5 часов, на другой день мы уехали в 11 часов и карточки я не получил. Жаль, что это лишает нас возможности иметь две декоративных фотографий в нашем проектируемом rel-mal-e [?]. Говорят, что сам он был болен, и принимала, по-видимому, она (Ромеро держали сторону немцев).

Пока не забыл, пишу тебе относительно нужд своих: мне нужна коробочка анузоля (это все же лучше проктола), пузырек зубного эликсира и пачку пипафакса. Через Маню это выписывать затруднительно. Вышли мне сама из Севастополя.

Ко всем мне нужно будет летнее пальто – то, что было со мной в Баязиде (может быть его надо привести в порядок) и зеленый [не]промокаемый плащ для исполнения им обязанностей cache-poussièr [2] -а.

Дело 64:

Керманшах, 25.IV.16

Дорогая моя Ксенюша!

Я очень счастлив, что вчера по телефону слышал твой голос, жаль, что телефон завален работой, и нельзя дольше говорить. У меня за тебя болит сердце. Все уезжают из Хамадана, и как ты будешь одна там оставаться!

Вчера получено известие, что Таунсенд сдался (будут обвинять Баратова, что он запоздал с наступлением). Это очень изменяет дело. Часть турецких сил теперь может быть направлена против нас, поэтому с одной стороны, тем более не следует тебе ехать в Керманшах, но с другой стороны, в Хамадане может быть еще хуже. Особенно если туркам удастся занять Сенне. Я прямо не знаю, что тебе и посоветовать. На всякий случай, имей в виду: 1. что Спиткин (Спиткин – уполномоченный Красного Креста) приглашал поступить в сестры милосердия, 2. что лазареты здесь близки от того дома, где я живу, 3. что Дюрьи (доктор английского банка в Керманшахе) всегда уступят тебе помещение, если бы даже без меня кто-нибудь и занял мою комнату, 4. что сначала мая дорога должна быть готова и пойдут 20 автомобилей Красного Креста (запорожца-уполномоченного земского союза) за ранеными.

А там уже, если со мной не будешь в состоянии снестись, действуй по своему здравому смыслу, сообразно с обстоятельствами, лучше ли тебе ехать вперед или назад, или оставаться в Хамадане. Выдумал для чего-то Баратов ехать. Берет Каргалетели, меня, Гатучаева и Томара (офицера конвоя). От этой суеты только дела страдают, а мне гораздо нужнее быть здесь, но раз дело идет относительно поездки вперед в сторону противника, то конечно, мне не приходится заикаться о бесполезности моей поездки, чтобы не подумали чего другого. Одним словом, вся эта бестолочь надоела мне так, что плюнул бы на все, а на сестер противно смотреть.

К сожалению, совершенно нет времени писать. Напиши маме, у меня совсем нет времени написать ей больше открытки. Ты не можешь себе представить, как мне огорчительно, что ты в таких условиях. До 8 мая пока Медемы (барон Медем – командир Кавказского пограничного полка. Семья его жила в Шверине [3] близ Хамадана, где оставался тыл штаба) там, я еще буду спокоен, а потом я ужасно буду беспокоиться. Маме кланяйся, я понимаю, что она нервничает. Много-много раз целую твои руки и крепко тебя целую мою дорогую и обнимаю. Приятно, что ты ближе ко мне, чем в Тифлисе, а с другой стороны, жалко тебя и беспокойно за тебя. Крепко-крепко целую тебя и благословляю. Очень любящий тебя, верный К.

Дело 65

Керинд, 26/IV /1916

Дорогая моя Ксенюша!

Едем хорошо, не очень жарко, а сегодня даже мочило дождем и било градом. Страна пустая, населения совсем нет, нигде ничего нельзя достать. Я вижу, что поперем мы до самого

Ханекина, но думаю, что скоро повернем, т.к. Каргалетели эта поездка не устраивает и он рвется назад. Сегодня встретил транспорт раненых и гроб ротмистра Поваляева (заведующий хозяйством 4 пограничного полка). Солдаты очень хвалили Юденича [4] за храбрость. Затем встретили партию пленных из Константинопольского полка – очень хороший народ и некоторые похожи на русских солдат. Каргалетели, впрочем, хочет в начале мая быть в Тифлисе.

Керинд, 28/IV/1916

Дорогая Ксенюша,

Живем мы в доме Кериндского хана. Керинд – это нечто вроде Баязида – деревня в ущелье – красиво, но все на косогоре. Над ущельем высятся две обрывистые скалы: на одной пасутся козы, а на другой аисты свели себе гнезда. По ущелью бежит поток. Кериндский хан – старичок лет восьмидесяти. Он выехал навстречу со своим конвоем. Население все курдское и большею частью – сектанты. Самое оригинальное это то, что было выстроено для встречи все население с музыкой. Музыка из курдов же настоящий духовой оркестр. На тромбоне, например, играл ужасный оборванец в каких-то войлочных лохмотьях. Корнетист так старался, что из корнеты у него текла слюна. Играли ужасно гимн, а потом еще полонез Огинского. Ты подумай, в Курдистане оркестр курдов играет полонез Огинского, да заодно это, американец заплатил бы, чтобы посмотреть. Все население отдает честь, народ приветливый и красивый, женщины не закрываются, похожи на цыганок, но девочки подростки очень миленькие и даже довольно белые. Баратов ходил сегодня к раненым. Говорят, в ужасных условиях лежат на соломе без одеял, некоторые даже без шинелей, никаких сестер тут нет. Один раненый был без рубашки и Баратов, вернувшись, послал ему свою рубашку. Все хвалят Юденича [5], т.к. он не надеялся на 4-й батальон, вновь сформированный, то одну роту он сам повел в атаку, другую велел вести командиру батальона, а третью заведующему хозяйством, как старшему офицеру. Командир и заведующий хозяйством убиты. Зато Прозоркевича (Прозоркевич – командир 2-го Кавказского пограничного полка, однофамилец инструктора Персидской казачьей бригады) бранят – его полк пришел почти что, без штанов, прямо стыдно на них смотреть.

Дело 66:

Касре-Ширин, 1 мая 1916г.

Дорогая моя Ксенюша!

Пишу тебе это письмо, лежа под развесистым фиговым деревом на берегу Эльвенда близ Касре-Ширина в лагере штаба кавалерийской дивизии. Уже изрядно тепло, но не так уж жарко. Князь Белосельский (нач. дивизии) и адъютант главнокомандующего Дерфельд, так те совсем изнывают от жары. Третьего дня встретили целую комиссию, которая решила, что довольно воевать и поехала в Россию: Шереметьев, Омер, кн. Сумбатов, кн. Макаев (офицеры Кавказской кавалерийской дивизии, ехавшие в отпуск), еще кто-то.

Кавалерийская дивизия смело могла раньше занять Ханекин – подходили на 1200 шагов, постреляли в город и ушли, решив, что не стоит брать, так как все равно потом турки выбьют. Одним словом, чувствуется, что нет твердого знака и надо что-то еще сделать – еще раз побить турок. Не повезло тоже при отступлении турок от Сер-Миль-Керинда. Колонна полковника Успенского [6] была в нескольких верстах и занялась какими-то курдами, между тем если бы она не опоздала, то никто не ушел бы из этого ущелья и целиком бы сдались. Очень красивая дорога от Керинда верст 20. Лес, но не густой, деревья старые, толстые, но низкорослые, пока все зелено и ущелье весьма красивое. Теперь мы уже спустились с плоскогорья. Мух масса, скоро будет много комаров.

Вчера я поил лошадь, она споткнулась, и я попал по колено в воду, так что после такой невольной ванны сегодня я уже настоящим образом вымылся в реке с мылом.

Вчера приехали мы в 2 часа дня, и к 4 часам у меня сильно разболелась голова – принял феналетин, мазал ментолом (спасибо тебе за флакончик, которым ты меня снабдила) и наконец, поставил горчичник, что собственно и помогло. Живем в палатках.

Я поместился в палатке у Акимова [7], так как привезли 2 палатки, а нас пять, Акимов же в палатке – один. Он очень любезен и предупредителен. В общем, чувствую себя так себе, принимаю хину, а сегодня после купанья принял еще шерету. Ветерок часто бывает, но печет, вечером сыро. Ночью прохладно, мухи минуты покоя не дают, так что целый день обмахиваешься от них веткой, спать не на чем, так что раз на пикнике за обедом, то возлежим, то сидим, а тарелка стоит на земле. Все это меня очень мучает, но, по-видимому, дня через три-четыре мы уедем. Через день летает турецкий аэроплан, иногда бросает бомбы, но пока безрезультатно. Я еще его не видел. Позиции в 12 верстах, сегодня едем смотреть. Вчера на последнем этапе хоронили трех драгун, убитых и изуродованных курдами. Собственно я сделал пакость попу. Проходил обоз с попом и поп проехал мимо роющейся могилы, я обратил внимание, его вернули и заставили отпевать, половину панихиды мы простояли, сидя уже верхом и пели наши казаки. Нет Ксенюша, я в Багдад ни за что не поеду, если бы меня назначили и вообще, я скорей горожанин и походной жизни не люблю, переночу довольно хорошо, но удовольствия не вижу никакого от лона природы.

Дело 67:

Керманшах, май 1916 г. [8]

...Я все злюсь. Дела много. Гамалей [9] засыпает громадными телеграммами [10]. С Вильямсом [11] вышло у меня недавно недоразумение. Я принес ему телеграмму зашифровать, а он сказал, что он и так много уже шифровал для генерала Баратова. Я тогда извинился и взял обратно, добавив, что я не знал, что делается это из-за любезности, а предполагал, что это его обязанность. Он сказал, что он сам знает, в чем его обязанности, глупо это все время говорить. Дело в том, что два дня назад он подал иск на наши войска за порчу помещений в Хамадане. Говорили, что это также как и 200 ослов и катеров для вывоза в Решт имущества ковровой фабрики поручил ему хлопотать Марлинг, а я на это заметил, что М. не прав, что едва ли это относится к обязанностям военного агента. Теперь Вильямс это вспомнил. Я первый раз пропустил мимо ушей. Но второй раз, когда он сказал "c'est stupide", я его попросил осторожно выражаться и что между офицерами таких разговоров быть не должно. На мое счастье, при этом был Кирсанов (Кирсанов – офицер Генерального штаба, бывший начальник, военный агент в Мосуле) – человек хороший, но лодырь и большой сплетник, он уже всем раззвонил об этом инциденте. Вильямс, сконфузившись, попросил телеграмму зашифровать, я не хотел сначала давать, а потом дал ему, сказав, что дал только для того, чтобы исчерпать инцидент. Кирсанов говорил, что Эрн (Эрн – начальник штаба) узнав об этом, сказал: "Смирнов бывает иногда резок". Но в данном случае не я был резок, а Вильямс. Я на это Кирсанову сказал: "да уж в этом штабе предадут, возьмут сторону кого угодно" и очень рад, если это Кирсанов передал. После этой истории мне стало грустно за человечество. Если такая культурная нация из англичан некорректны, то что же требовать от нас. Убедившись, что мы не пойдём сейчас брать Багдад, и что Таунсенда (Таунсенд – английский генерал, сдавшийся под Кут эль-Амарой туркам) мы не выручили своей головой, здешние англичане уже перестали быть любезными, выставили нас из дома, хотят выставить конвой Баратова из конюшен английского консульства. Вильямс отказался шифровать телеграммы. Я после всего этого по отношению их взял тот же тон снобизма, который был у нас с тобой по отношению англичан в Тегеране. Вильямс с Леусом (Леус – офицер-восточник, был потом тяжело ранен) уехали, их вызвали на другой день отъезда Баратова.

Сердило меня также то, что Каргалетели вмешался и хотел устроить мне теперь поездку к тебе в Хамадан, а когда я сказал, что считаю неприличным ехать мне назад, когда другие едут вперед, то он сказал, что он на моем месте тоже бы не поехал. Спрашивается, зачем же "сукин-сын" хотел мне это устраивать, думая, что я не соображу, а потом он же сказал бы, что я на время операции уехал в отпуск. Оказывается, как говорил Эрн, Баратов хотел, чтобы я опять поехал, а Каргалетели [12] сказал, что мне незачем ехать [13]. Терпеть не могу людей с таким тряпочным характером, как Баратов, прямо противно смотреть [14]. Каргалетели прямо его чукает, называет мягкотелым, а Баратов, собравшись в дорогу и упрасивавший долго спящего по утрам К[аргалетели], боязливо спрашивает: "что, Василек, можно ехать, ты готов?". Прямо хочется плюнуть. Каргалетели всю дорогу подкладывал свинью Эрну, говорил, что он никуда не годится, обвинял его перед Баратовым, что связь

плохо действует (между тем, как это его же обязанность), и мне сам Эрн говорил, что не желает с ним связываться, он в это дело не вмешивается – пусть делает, как хочет, меня несколько раз подмывало сказать, что при таких отношениях не следует быть на "ты" с Эрном, а уезжая, Каргалетели просил Эрна, не поминать лихом и целовался. Прямо тошнит от всего этого. Я, собственно говоря, очень рад, что меня не взяли – там убийственная жара, а я и тут ослаб, да и видеть вечно надутую рожу Караглетели не так уж весело. Туда поехали Баратов, Гагучаев [15], Золотарев [16], Гончар [17], Каргалетели и доктор. На другой день вызвали Леуса с Вильямсом, а здесь остались Эрн, Дуценко [18], я и Гебелашвили [19].

Англичанам очень не по нутру командировки Гамалея, они упорно не сообщали о своем расположении и когда им протелеграфировали было о том, что командирована сотня, чтобы они со своей стороны выслали разъезд навстречу [20], то они отказались выслать, мотивируя тем, что на дороге турки и просили Вильямса отсоветовать Баратову посылать Гамалея. В общем, эта авантюра никаких реальных плюсов не дала [21], уклеила только англичан, и прославила Гамалея (оказывается, он был простым казаком, вахмистром, выдержал экзамен в Оренбургское училище и выбился в офицеры. Теперь у него золотое оружие и Георгий – карьера обеспечена).

Дело 68:

[Аве], 5.VIII. 1916 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Толмазов [22] рассказал мне, что ты живешь в ужасно жаркой комнате в Хамадане и меня это стало очень тревожить, так как я знаю, что жара на тебе отзывается хуже холода.

Завтра или послезавтра хочу отправить тебе Семена, может быть тогда тебе удобнее будет перейти на квартиру. Сегодня меня прямо измучил ветер, то и дело хватаешь то одну бумагу, то другую, чтобы не унес ветер, а в палатке только в середине можно сидеть, не доставая головой до полотна, а стоять иначе, как согнувшись, совсем нельзя, так как это tente d'abri [23], хотя и, офицерская.

У нас неблагополучно. У Баратова лихорадка (болезнь вождя – секрет, а потому не рассказывай). Сегодня не вставал – одетый лежит сверх постели, и потребляет у меня хину и шерету. Пришли несколько капсул на пополнение запаса. Белосельский [-Белозерский] приехал переговорить на несколько часов, но Б[аратов] по случаю своей болезни задержал его до завтра. Каргалетели вчера уехал. Уезжая, он зашел попрощаться со мной, я же сидел в палатке и не заметил, как он уехал. Большинство ходило провожать этого баловня до автомобиля, а я так и не попрощался. С Каргалетели уехал больной Едигаров [24]. Я его просил передать тебе письмо, в котором послал расписки штаба. Вчера вечером по телеграфу получил записку от Савельева [25], в которой говорилось, что начальник штаба Армии спрашивает меня, как здоровье Вольского [26], контуженного в последних боях. Я справился и тотчас ответил. Значит, о моем существовании не забыли, но адресовано было капитану, так что я думаю, что жидок напутал. А не хотелось бы мне уезжать, раньше, чем быть произведенным. Сегодня уехал Нирод [27] и я послал тебе пенснэ, кремы и бумагу от мух с денщиком Нирода. Вероятно, в Казвине много мух. Когда будет случай, пришли мне одну перемену белья: фуфайку, кальсоны, рубашку, ночную рубашку, одну или две пары носок, несколько платков, одно белое полотенце и одно с красным [линия автора – Н.К.Тер-Оганов]. Постельного белья пока не присылай. Должен тебя предупредить, чтобы ты была осторожна с индивидуальными пакетами. Доктор, кажется, Филиппов, раскрыл пакет для перевязки раненого на позиции и вместо пузырька йода, оказалось, будто бы что-то другое, и произошел взрыв, поранивший серьезно ему руки. Лично я этому не верю, я думаю, что в тот момент, как он открывал пакет, он был ранен, и на него произвело впечатление, что взрыв произошел у него в руках. Так думает и Скалозуб [28], но на всякий случай все пакеты изъяты. Так что ты будь осторожнее. Турки стоят на месте, а Эттер [29] уже хочет удирать из Тегерана [30]. Посмотрим, что будет через месяц! Одно только, что мы сейчас пришли в порядок, войска на высотах несколько отдохнули, притворщиков рассортировали и поставили в строй, подходят укомплектования. Будь здорова, моя дорогая Кысочка, крепко тебя целую и обнимаю. Целую твои руки. Твой верн[ый]. К.

Дело 69

[Аве], 10 августа 1916 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Вот уже две недели, как расстались мы с тобой, не успев даже, как следует проститься. Мне очень без тебя скучно. Надеюсь, приехать на день в Казвин, но не знаю, когда удастся это сделать. Сейчас тут нет никого кроме меня. Кондратьева [31], отправили вперед, а Азизулла [32] с разъездом к Амиру Афхаму. Старая лиса переехала в свою деревню близ Резана и оттуда отправила туркам пишкеш – 100 харваров ячменя. Ну, вот туда и послали разъезд, чтобы приструнить старика. Впрочем, его нельзя особенно и осуждать. Ночью я видел очень тяжелый сон – я видел, что получил от тебя письмо, в котором ты называешь меня на "Вы" и сердисься за что-то на меня. Я думаю, что это скрытая лихорадка. Конечно, наяву этого между нами никогда не будет. Как твоё здоровье. Я думаю, что Контролер прав. Он полагает, что здесь у всех понос потому, что все источники этого горного района содержат глауберову соль. Если ты томишься бездельем, то запиши, что ты помнишь о ханекинской операции и т.п. юродства К[аргалетели]. Сегодня, слава Богу, пришла телеграмма, что Карагалетели переведен на Северный фронт. Без него гораздо симпатичнее. За столом идет свободный разговор, генерал как-то лучше ко всем относится без боязни того, как это понравится этому типу и даже ко мне как будто стал лучше относиться. Впрочем, когда я нужен, то всегда он лучше ко мне относился, а сейчас нет ни дипломатического чиновника, ни другого офицера, знающего Персию. В Тегеране делается глупость. Посланник назначил даже день отъезда, а когда В[еликий] К[нязь] протелеграфировал, что посланник должен остаться до конца, то Эттер телеграфировал, что он и не думал поступить иначе. Штриттер [33] уже удрал. По дошедшим до нас слухам, сам Эттер советовал Сепасалару выйти в отставку и уезжать. Прозоркевич, как говорят, посоветовал некоторым офицерам уехать и Татос [34] с Искандером [35] уехали. Одним словом, раньше, чем выяснится исход предстоящих боев, они уже решили уступить поле политическим противникам.

Штриттер, проезжая через Казвин, пустил слух, что наш отряд уже в Куме, между тем, как он по-прежнему стоит в Исфагане. Антипов [36] сообщил нам сведения о противнике, что жандармы занимают Резан, между тем, как в Резане питательный пункт Всероссийского земского союза и станции Сираба и Хильтова тоже за нами. Быть может, Министерство иностранных дел получило какие-либо инструкции нам неизвестные?

Перебирая вещи, нашел второй орден Владимира и скатерть; то и другое хочу отправить тебе. Все мечтаю, как мы будем когда-либо жить вместе, а теперь хотя бы удалось повидаться с тобой.

Дорогая моя Кысочка, сообщай, что делается в Казвине [37], там людская глупость больше бьет в глаза, чем у нас здесь, при нашем деревенском образе жизни. В общем, пребывание здесь для меня отдых, работы немного, ложимся и встаем вовремя, ночи холодные, днем не очень жарко, комаров нет, мух мало, еда удовлетворительная, только ветра изводят, да главное, разлука с моей дорогой Ксенюшей, без которой мне и жизнь не в жизнь. Целую твои ручки. Крепко тебя обнимаю. Обожающий тебя К. (л.50 об.).

Дело 70:

[Аве], 11 августа 1916 г.

Дорогая моя Кысочка!

Сегодня выпал тяжелый день твоему политическому офицеру. Набралась масса дела – писать Амиру Афхаму [38], Амиру Афшару [39], воззвание с успокоением жителей Казвина, телеграммы посланнику, Болховитинову [40] и Прозоркевичу [41] относительно политического положения и проч. И вдруг, в это время неожиданно появляется Сепасалар [42] и Акбар-мирза [43]. Одним словом, выяснилось, что Эттер [44], струсив, очень скоро сдал позицию и предложил Сепасалару уехать. Чьим-то распоряжением распустили всю бригаду по домам и разным городам, а сам Monsieur Прозоркевич переехал в Зарганде.

Légation Impériale de Russie en Perse. Résidence d'été à Zerguendeh.

Летняя резиденция российской дипломатической миссии в Зарганде

Одним словом, это черт знает что такое. Вот Сепаксалар с Акбаром приехали просить Баратова спасти положение. Одним словом, у нас, как в Ставку Верховного приезжают министры, депутаты и проч. Я испытываю страшное удовлетворение, так как все выходит так, как я говорю и говорил. Мы теперь делаем представление Великому Князю, что надо сделать и уже Б[аратов] поговаривает, что следовало бы военного посланника и, по его мнению, хорошо было бы Вадбольского [45]. Я возразил сначала, что В[адбольский] плохо знает языки, но когда Б[аратов] горячо стал возражать, то я согласился, что действительно в подобный момент это не важно. Пока еще эти соображения не протелеграфировали в Тифлис, но вероятно до этого дойдет. Конечно, все это пишу тебе по секрету, также как по секрету сообщаю, что родственник Геочары [46] уже начал прокрадываться.

Целый день у нас дым коромыслом шел. Сегодня как раз пришло известие, что Чернозубов [47] разбил 4-ю дивизию, взяв в плен 1½ пехотных полка. Играла музыка, шли пленники и под конец дядя Поль [48] собрал к себе всех, резали барана, пылал костер, играла музыка, зурна, певчие песенники Кубанск[ого] полка, Баратов в бешмате и папахе с палкой сидел в кругу казаков, Шахназаров и офицеры танцевали.

Эльзингер [49] назначен начальником канцелярии генерал-губернатора областей Турции. Говорят, что будет получать 15 тысяч. Малиновский [50] начальником участка в Ризе. Нагайбаков [51] младшим чиновником VI класса для поручений. Все писаря Развед[ывательного] отделения понаполучали чиновничьи места. Вызывают желающих врачей из нашего корпуса на должности областных и окружных врачей. Одним словом, видно, что организация en grand, не то, что тогда Яковлев [52] смастерил нищенские штаты округов. Персидский офицер Ахмед-Ага привез мне вместо ситронаду оранжад – даром, заплатил 8 рублей. Один флакон пришлю тебе. Баратову в отпуске отослал. Пока не приедут Гильдебранд [53] и Акимов [54] им, конечно, нельзя будет уехать, а затем ты хорошо надумала выехать до Баку вместе. Что-то сегодня было вроде намека о возможности переезда в Казвин. На днях ожидаем наступления турок. Если я пришлю тебе телеграмму

"Пришли белье", это значит укладывайся и готовься к выезду в Решт. Жаль мне Модеста и Марусю. Спасибо тебе за пальто, но как раз стало жарче, чем раньше. Крепко тебя целую и обнимаю мою дорогую, обожаемую жену. Целую твои руки. "Ты моя хорошая, а я твой гадкий К."

Дело 72:

... Шкринского [55] отправляют назад в Казвин цензором. Очень скучно без тебя и очень хотел-бы скорей устроиться так, чтобы с тобой не разлучаться. Оказались у меня еще кое-какие вещи, которые надо понемножку отправить тебе, а именно словари и всякая тому подобная дрянь. Крепко тебя целую и обнимаю, мою дорогую. Целую твои руки. Твой верный К.

P.S. Я просил Фисенко [56], не представлять меня к награде, чтобы иметь право на награду после производства в полковники. То-то будет рад хранящийся у тебя орден, что он получит применение раньше, чем он думал!

Передай Бархударьяну [57] удостоверение и письмо. Пошли телеграмму Елиз[авете] Никол[аевне]. И подпиши адрес на прилагаемой открытке.

[Аве], 28 августа 1916 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Надеюсь приехать на днях, но, не уверен еще. С переходом в помещение чувствую себя лучше. Пришли, пожалуйста, с Риштой [58] хурджин [59] с перепиской. Дело в том, что услышав про хурджин, Фисенко [60] решил его обратить в свою пользу, ну и Бог с ним, он человек очень обходительный. Чемоданчик он тоже уже приспособил. Очень хотел бы видеть поскорей тебя, мою дорогую. Передай Мадиду [61], что Сардару Иджлялу разрешено получить автомобиль и экипаж; об этом протелеграфировано официально – через Золотарьева [62], но, может быть, еще не передали по назначению. Передай также Мадиду, чтобы через Макдо [63] передал, чтобы Салар-Фатех-Курдистанский явился в штаб.

Дараб-мирза [64] отчасти похож на Геочару с выражением лица, но знаешь, он производит довольно приятное впечатление. На нем печать человека, перенесшего какое-то испытание, совершенно нет восточного бахвальства, немножко сентиментальности à la Шашал, но в меру, и в разговоре очень скромнен. Он говорил, что жалеет, что не натворил чего-нибудь раньше, чтобы его отправили в Россию и после пятилетней службы в России, где ему очень хорошо жилось, Кавказ ему совсем не нравится [65].

Между прочим, он рассказывал, что положение Ляхова [66] очень ненадежно. Будто бы у него была какая-то история с сестрой милосердия и В[еликий] К[нязь] предупредил, чтобы он был не очень милостив к нему. Далее, когда В[еликий] Кн[язь] пошел в госпиталь, то будто бы раненый офицер обратился к нему и сказал, что если он останется жив, то отомстит за честь сестры, а если умрет, то просит вступиться Вл. Кн. и что это как раз касалось Ляхова. Не знаю, насколько все это правда, но похоже на разгадку, почему не было Бенедеты [67]. Говорят даже, что Ляхов хотел отделаться десятью тысячами, но не вышло [68].

Как мне тебя не достает, моя дорогая! Надеюсь, что удастся тебе приехать ко мне на месяц. С помощью своих персидских знакомых я в то время, когда дело пойдет уже к весне и особенно теплой квартиры не надо, постараюсь найти помещение с мебелью на несколько недель, а проезд постараемся устроить даром на автомобиле. Но вижу, что теперь выехать в Баку мне не удастся. Такая масса работы, что и вопроса об этом возбуждать сейчас нельзя. К тому же я пока ни о каких одолжениях просить Б[аратова] не могу. К сожалению, я вижу, что я ему не особенно нравлюсь. Ну как мы вообще с тобой не нравились в Тегеране сердечным людям. С другой стороны, я вижу, что он подобно Стасе очень не любит, когда кто-нибудь на него сердится, а потому я решил некоторое время будировать, добросовестно исполняя свой долг. И вижу, что результаты это даст хорошие. Недоволен я, во-первых, за то, что наделав сам промахов, он свалил на меня (правда – в мелочах), а во-вторых, за недостаточно внимательное ко мне отношение. Недавно он пил по очереди за своих сотрудников, а затем за младших чинов штаба и сказал: К[онстантин] Н[иколаевич], я Вас

тоже считаю в числе младших, так как Вы младший по времени. Ну а я в его тосты не нуждаюсь, и терпеть их не могу, но на одну ногу с прапорщиками и хорунжими ставить капитана гвардии, который уже 18 лет офицером ему меня не следует, почему я и решил обидеться. Сейчас у меня не жизнь и не прозябание, а просто таки горение и я за это вправе рассчитывать на большее внимание, что я и вижу от Начальника штаба. У нас нет корпусного коменданта и я возбуждал вопрос, что так как значительную часть этой работы я исполняю, то пусть бы меня отдали приказом по корпусу и.д. коменданта корпуса, как отдали начальника штаба, корпусного врача, а Каргаретели объявили начальником штаба дивизии. Комендант корпуса пользуется правами командира полка и фуражные, и суточные получает, как я получал в Баязиде. Эрн ответил, что это не пройдет так как, может быть, начет в виду того, что штаты штаба корпуса не утверждены (сами они получают, не боясь начета) и что если на меня возложить всецело обязанности коменданта, то как же будет с разведкой, в чем без меня обойтись нельзя. Ну вот, ввиду всего этого мне совершенно несвоевременно проситься в Баку и получать новый отказ. Большим удовлетворением мне служит, как относятся ко мне персы. Народу ко мне прет масса, полнейшее уважение, лести слышу массу вроде того, что благодарят судьбу, что тут я, который знаю народ и с которым можно непосредственно объясниться и т.п. А я, так как не могу занимать сейчас такого положения, то валяю дурака, представляясь человеком с дервишскими взглядами. Да оно, по правде сказать, все чаще и чаще думаю о том, что самое лучшее было бы действительно, как можно будет, выйти в отставку генералом, и как только позволят сделать это денежные обстоятельства – выйти в отставку; поселиться нам с тобой в Париже, да смотреть бы со стороны на всю человеческую гадость. Ни положение, ни власть меня больше не влекут. Я думаю, что ты понимаешь меня, когда мечтаешь о домике на Волге.

Бедная моя Ксенька, как у тебя должно было биться сердце, когда ты беспокоилась обо мне из-за этой телеграммы. При моей кабинетной работе гораздо больше шансов заболеть сильным геморроем, чем пасть смертью храбрых, но, конечно, все бывает. Вот уже двух офицеров отпели в дорожной церкви, запаяли как сардину в ящик, поставили на лафет, на котором провезли по городу с церемонией, затем поставили на автомобиль и отвезли, чтобы похоронить на каком-нибудь глухом кладбище. На днях тоже шведский офицер провез прах убитых летом шведских офицеров. На этой неделе будут еще запаивать еще третьего офицера (ужасно скучно бывает ждать, по крайней мере, 1/2 часа, пока слесаря кончат эту работу)... Уж если и я паче чаяния отправлюсь на тот свет, то уже не мешай им, чтобы тебя не осуждали за бессердечие, проделывать тоже самое, благо на казенный счет. Только уж пусть тогда прут, по крайней мере, хоть под Давида к дервишу шейху Санаану с одной стороны, и посланнику Грибоедову, с другой. Но, конечно, это я все шучу, и помирать не собираюсь, а только забрехался на эту тему по поводу того, что ты бедняга моя встревожилась, что я убит. А меня больше тревожит, что я растолстею от такого режима. Телеграмму твою я получил, а кто еще Смирнов в Казвине узнать довольно трудно – сейчас много народу и чего только тут нет до бронированных автомобилей включительно. Ну, я тебе скажу и штука – в башне наполненной механизмами и двумя пулеметами должны сидеть офицер и три солдата, а там, где пушка, там еще теснее, там офицер и два солдата.

Дело 75:

Баку, 18 мая [1917 г.]

Дорогая моя Ксенюша!

А твой *dume reiter* все катит *weiter* да *weiter* [69]. Ты не можешь себе представить, как я извелся, когда узнал, зачем меня вызвали. Я привел Юденичу [70] все доводы. Он со всем согласился, но все таки приказал ехать, так как на Краевом съезде обсуждался вопрос и Ю[денич] обещал, что приедет полковник, знающий хорошо Персию. Пока поехал Колонтаевский [71], но Юд[енич] находит, что в эту комиссию по разбору недоразумения между Фидаровым [72] и Дамонтловым [73] надо полковника.

Приехал я в Баку, а телеграмма опоздала и канонерка с комиссией (Столица [74]) уже ушла и я догоняю на пассажирском пароходе, который сегодня же как раз отходит. Юденич разрешил мне быть только несколько дней, если комиссия затянется, так как согласился, что я нужен в Трапезунде.

Цыс [75] (во время войны был из особого отделения штаба округа) говорил мне, что на Краевом съезде говорили о замене некоторых консулов военными, и в том числе называли и меня. Цыс спрашивал меня, устраивает ли меня быть консулом в Ардебиле, я сказал, что консулом в Персию ехать – согласен, и Цыс хотел в тот же день сказать Баратову, который тоже играет какую-то роль на съезде, чтобы опять возбудили этот вопрос. Как раз после этого разговора Баратов катил в автомобиле, остановился, лобызался и т.д. На днях он едет в Хамкенной [76].

Всю дорогу я думал – бедная, бедная Ксенюшка. Сидит одна и скучает. Подумать, около двух недель тому назад сидеть в Трапезунде одной! Устал я Кысочек! Эту ночь пришлось спать сидя. Сейчас я в Европе, ночью разделся, полежал, а спать нет времени. Как все дорого! Щи 1р.25к., рыбное блюдо 3 р. 50 к., мясное от 4 рублей. Хлеба в городе нет. Забастовка извозчиков. С вокзала пришел пешком. На вокзале видел супругов Золотаревых [77] с отпрыском (Боря). Они ехали в Белясувар. Что у нее за простонародный вид! Будь здорова моя Ксенюша! Много раз целую тебя и твои руки. Всем поклон. Любящий и верный Кот.

Трапезунд, 1 августа 1917 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Вернулся из очень неприятной операции по вывозу семейств разведчиков из района Унии. Я думал, что назначат мне какой-нибудь тральщик, миноносец и катер, а мне прислали Дакию [78]. Катер мы не взяли. Я на миноносце пошел вперед в 1 час ночи, дали 3 сигнальных выстрела, и ушли шарпать берега, затем у Термэ собрались все к утру и я пересел на Дакию. Я взял вновь сформированный партизанский отряд, чтобы... и набег на Термэ, но увидел, что из мух делают слона. Полетели гидры [79], хотели обстреливать Термэ из больших пушек и проч. Я отговорил делать все это и набег не состоялся, а только – успели сбросить три бомбы в кучки жандармов пехоты, обстреливавших их. Говорят, что [на] аппаратах есть следы пуль. Затем пошли брать спустившихся с гор беженцев. Я не филантроп, но считаю, что честь и достоинство России требовали это сделать, но как тяжело делать доброе дело, хотя бы и в силу долга службы. Между матросами Дакии поднялся ропот: зачем нам голодные рты, наши жены дома работают, чтобы кормить чужих людей, никакой пользы и [от] разведчиков и т.д. Пришлось разговаривать с отдельными кучками – соглашались с доводами. Потом пришел представитель судебного комитета и заявил, что комитет считает, что довольно мол, поручил и довольно. Вместо двухсот действительно пришло около трехсот. Но что это за люди, большею частью дети, некоторые даже круглые сироты при чужих матерях. Во всяком случае, это все что осталось в районе Уния – Термэ, остальное за исключением самих четников и нескольких совсем беспомощных по дряхлости и больных уже выслал вглубь Турции. Конечно, никаких тут не может быть разговоров, что мы это должны были сделать. Но наш народ, когда-то воевавший за освобождение болгар и за другие глупости, теперь окончательно очерствел. На заявление Комитета командир, Фипшау, реагировал самыми хорошими русскими ругательствами по адресу Комитета, я даже испугался за него. Но говорят, что теперь опять всюду начали ругаться и бить морды и уверяют, что рабские натуры сейчас же делаются благодушными?! Словом, 4 часа длилась посадка, была перестроена и, наконец, мы ушли, но после инцидента потрясающим, которые, должен тебе сказать, на меня, увы, произвел мало впечатления, должно быть, и я очерствел.

Дело 76:

[Трапезунд], 1917 г.

Лодка полная детей и женщин попала под струю воды, опрокинулись и все стали тонуть. Как-то минуты две прошли в бестолковых мерах, пока командир не увидел и не скомандовал бросить в воду пояса. Полетала масса поясов и кругов, которые попадали на голову детей и не помогли им. Течение несло мимо парохода, некоторые удивительно скоро стали тонуть. Мимо меня несло старую женщину, которая под водой как бы проходила, поднявши руки слегка, или махая, и скоро стала пускать пузыри. Откровенно говоря, у меня не было какого-либо особенного чувства к этой женщине. Наконец, матрос, стоявший около меня, когда проплывала эта женщина, не выдержал и одетым бросился в воду. Позади

вскоре после него, посмелее, еще человек десять, раздетых, в числе которых был артиллерийский офицер, прикомандированный к флоту гардемарины. Потонуло, говорят, что около 4–5, а я думаю, что около десятка. И знаешь, повторяю тебе, на меня это особенного впечатления не произвело, я даже гораздо более неприятное чувство испытываю, когда мы обстреливаем турецкие берега.

В 5 часов мы подошли к позициям, заранее предупредив Апушкина [80], который приехал с артиллерийскими офицерами. Крейсер из больших орудий обстреливал турецкие окопы, заговорили наши батареи, потом застучал пулемет, сообщили, что пехота пошла в атаку и просит поддержать. Но, вероятно, от нашей стрельбы пошел ливень, и подвинулся густой туман, и дело пришлось прекратить. Хорошо, что пехота не успела перейти через реку, так как река от ливня вздулась, и они могли быть отрезанными. Во всяком случае, и судя по трескотне ружей и, особенно, стуку пулеметов, можно было заключить, что завязался жаркий бой. Когда мы только что начали стрельбу, то турки пустили в нас 3–4 снаряда, последний упал уже [в] саженях пятидесяти от судна, но вероятно дальше этого турецкая артиллерия не могла стрелять, так как больше не стреляла по нас. От стрельбы побилась масса стекол. Жаль смотреть на эти румынские пароходы. Ночь провели на рейде в Элеу, потом пошли в Плантену выгружать гидро и партизанов. Как и все теперь, делали это очень долго. Подошел истребитель и я перешел на него, чтобы приехав в Трапезунд, ускорить вырубку беженцев. Тут опять скандал. Колосовскому [81] кто-то сказал, что пришло 3 с половиной тысячи беженцев, и он приказал их отправить в Батум. А их уже выгрузили с Дакии. Пока я добился по телефону Колосовского и Коман[дира] кор[пус]а и т.д. Наконец, согласился, чтобы пока будет идти сношение с Батумом, куда умная голова Колосовского решила направить беженцев, они оставались бы в Трапезунде. Между прочим, митрополит был мною предупрежден и, конечно, изъявил полную готовность и даже радость позаботиться о них. Я сидел дома, а Степ[ан] Иван[ович] [82] и Никол[ай] Никол[аевич] [83] орудовали. Наконец, все это людское стадо, ужасно провонявшее и запакостившее пароход, повели к "деспоту", т.е. к Митрополиту, а пока шли переговоры, толпа смотрела на этих несчастных, а солдаты вели те же разговоры, как и матросы на Дакии. Теперь уже я вздохнул свободно, когда увидел, что Дакия ушла, и узнал, что толпа у митрополита. Греки уже устроят своих и пусть сами хлопчат у Колосовского, но только по-моему, между вали и турецким жандармским полковником, месяц назад в Орду высыпавшим в море три полных лодки греческих женщин и детей, чтобы освободить город от нищих и нами, разницы очень немного.

Беседовали матросы со мной по одиночке, и на политические темы. Удивительная тупость у русского простого народа. Пока он не рассуждает, не была заметна, а как стал рассуждать, так она дает о себе знать. Я с час толковал с украинофилом [84]. В конце концов, он сказал, что ни все ли равно, чьими рабами быть московскими или Вильгельма, что Вильгельм понимает душу украинца и ничего дурного не будет если Украина попадет под власть немцев, а что немецкий язык, то выучатся ему. Уж действительно командир судна рассердившись, потом изливал свою душу в кают-компании и говорил, что приходится приходиться к заключению, что мы, в самом деле, навоз. Послушавши рассуждения украинофила, нельзя иначе его никак и назвать, как навозом или чем-либо в этом роде. Ну, стоит ли тут воевать и предпринимать для такого народа, который сам подкапывается под свое существование. Но лично я, как-то со всеми ими лажу, и как-то отношусь с уважением.

Вот таковы-то дела, моя дорогая Ксенюша! Прочитай-ка это письмо Ардатову [85], пусть Мих[аил] Андреевич знает, как сочувственно относятся товарищи к начатому им и продолжаемому мною делу. Не знаю, каковы будут партизаны, но я очень рад, что взял их в плавание. Многим уже не понравилось, а другие рассуждали, что если предварительно не будут стрелять из пушек, то они не пойдут высаживаться. С места, по крайней мере, вышибем и возьмем друг...

Крепко тебя целую и обнимаю мою дорогую. Кончится ли когда-либо война, и будем ли мы когда-нибудь с тобой по-человечески жить? Привет Е.Н. Поклон Ардатовым. Целую твои руки. Твой верный К.

Примечания:

1. Генерал К.Г. Шарпантье был начальником Кавказской кавалерийской дивизии. 29 декабря 1915 г. на этом посту его сменил генерал кн. С.К. Белосельский-Белозерский – примечание Н.К. Тер-Оганова.
2. Вид плаща, манто – франц. – примечание Н.К. Тер-Оганова.
3. Точнее: Шеверин – деревня, где на тот момент был расположен штаб Экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова. Смотри, например, А.Г. Емельянов. Персидский фронт (1915–1918). Берлин: "Гамаюн", 1923, с.85.
4. Полковник М.С.Юденич – командир Пограничного пехотного полка – примечание К.Н.Смирнова.
5. Автор писем имеет в виду командира 2-го пограничного полка Юденича М.С. – примечание Н.К. Тер-Оганова.
6. Успенский – командир Хоперского казачьего полка, офицер Генерального штаба. – примечание К.Н. Смирнова.
7. Акимов – офицер-восточник, переводчик персидского языка из Туркестанских стрелков, прикомандированный к Экспедиционному корпусу генерала Баратова. См.: АНЦРГ, ф.39, д.27, л.84об.
8. В мае 1916 г. штаб Корпуса находился в Керманшахе, откуда проводилась операция против Ханекина через Керинд и Касре-Ширин. См.: АНЦРГ, ф.39, д.77, л.5.
9. В.Д. Гамалий – сотник 1-й сотни 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска, снискавший себе славу за совершение глубокого рейда в мае-июне 1916 г. в Месопотамию, в тыл турецкой армии, с целью установления связи с действующими там английскими войсками. Гамалей со своей сотней проделал долгий путь длиной более 400 верст от Майдешта через Луристан (Пушти-Кух), обойдя Зорбатю с восточной стороны до Али-Гарби, где и произошла встреча с англичанами. Из Али-Гарби Гамалей в сопровождении нескольких бойцов из своей сотни и английского офицера направился в Басру, где встретился с английским генералом Леком от которого, в соответствии с инструкцией генерала Баратова, получил карты расположения английских и турецких войск для координации совместных военных действий против последних. За проявленную доблесть и мужество Гамалей и члены его команды были награждены английскими военными крестами. После завершения встречи с англичанами Гамалей со своей сотней без потерь вернулся в Керманшах. См.: Ф.И. Елисеев. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года. Нью-Йорк, 1957.
10. Телеграммы, отправляемые Гамалеем в штаб Корпуса были "громкими" по той причине, что сам Баратов приказал Гамалею посылать свои донесения "через английские искровые станции". Гамалей, как ему было приказано, все сведения, получаемые от англичан, немедленно сообщал генералу Баратову. Однако телеграммы, которые поступали от Баратова, были почему-то неясными. Там же, с.14.
11. Английский военный агент в Керманшахе – примечание Н.К. Тер-Оганова.
12. Каргалетели – офицер генерального штаба, имевший большое влияние на Баратова – примечание К.Н. Смирнова.
13. Речь идет о второй поездке Баратова в Касре-Ширин для удара на Ханекин – примечание К.Н. Смирнова.
14. Можно сказать, что более бесстрастное объяснение "мягкого характера" генерала Баратова дает Орган связи русского воинства за рубежом журнал "Часовой": "Думают, - читаем в статье "Генерал Баратов", - что Баратов по мягкости поддается влиянию других. Это неверно. Говоря с другими, советуясь, он только контролирует себя и пытается шире осветить вопрос, но поступает всегда по-своему". См.: Генерал Баратов – "Часовой", №103-104, май 1933, с. 26.
15. Командир конвоя – примечание К.Н. Смирнова.
16. Заведующий службой связи – примечание К.Н. Смирнова.
17. Помощник командира конвоя – примечание К.Н. Смирнова.
18. Адъютант штаба по хозяйственной части – примечание К.Н. Смирнова.
19. Заведующий офицерским собранием штаба – примечание К.Н. Смирнова.
20. Согласно Ф.И. Елисееву, генерал Баратов предложил английскому командованию в Месопотамии выслать и от себя разъезд в Зорбатю для встречи с сотней Гамалея, однако,

как известно, англичане воздержались от отправки туда своего разъезда. См.: Ф.И. Елисеев, Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года, с. 8.

21. К.Н. Смирнов ошибается в оценке рейда Гамалея, поскольку в результате этой командировки была достигнута основная ее цель – во-первых, была установлена связь с английским военным командованием в Месопотамии, и, во-вторых – были получены подробные карты, с указанием рассредоточения английских и турецких войск в данном районе. Ф.И. Елисеев. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в 1916 году, с.13.

22. Волноопределяющийся – переводчик английского языка из бывших матросов – примечание К.Н.Смирнова.

23. Палатка для укрытия (франц). – примечание Н.К. Тер-Оганова.

24. Офицер Нижегородского драгунского полка – примечание К.Н. Смирнова.

25. Офицер Генерального штаба в штабе армии – примечание К.Н. Смирнова.

26. Офицер Нижегородского драгунского полка, заместитель начальника военного округа на театре войны – примечание К.Н.Смирнова.

27. Начальник казачьей дивизии в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.

28. Корпусной врач – примечание К.Н. Смирнова.

29. Российский посланник в Тегеране – примечание Н.К. Тер-Оганова.

30. Согласно срочной шифрованной телеграмме в Отдел генерал-квартирмейстера от 2 августа 1916 г. подполковник Прозоркевич из Тегерана сообщал: "Наступление турок к Тегерану создает возможность [в] ближайшем будущем спешной эвакуации Тегерана русскими госучреждениями, всеми подданными". Как выясняется, посланником был разработан план по проведению эвакуации Тегерана, и даже приступили к ее частичному исполнению. См.: РГВИА, ф.2000, оп.III, д.7749, л.л.21-34. – примечание Н.К. Тер-Оганова.

31. Офицер-восточник туркестанского отделения – примечание К.Н. Смирнова.

32. Офицер Персидской казачьей бригады, прикомандированный к штабу Корпуса, бывший паж Султан Ахмад-шаха – примечание К.Н. Смирнова.

33. Российский генеральный консул в Тегеране – примечание К.Н. Смирнова.

34. Татос-хан – генерал Персидской казачьей бригады, армянин, поставщик фуража на бригаду – примечание К.Н. Смирнова.

35. Искандер-хан, начальник штаба Персидской казачьей бригады – армянин – примечание К.Н. Смирнова.

36. Консул в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.

37. До этого времени в Казвине был расположен Штаб Экспедиционного корпуса генерала Баратова – примечание Н.К. Тер-Оганова.

38. Амир Афхам – хамаданский губернатор и помещик – примечание К.Н. Смирнова.

39. Глава афшарского племени из района Зенджана – примечание К.Н. Смирнова.

40. Болховитинов – начальник штаба Кавказского военного округа – примечание К.Н. Смирнова.

41. Полковник Прозоркевич – командир Персидской казачьей бригады – примечание К.Н. Смирнова.

42. Сепаксалар (Халатбари) – премьер-министр Ирана – примечание К.Н. Смирнова.

43. Акбар-мирза – сын Зилли Солтана – примечание К.Н. Смирнова.

44. Российский посланник в Тегеране – примечание К.Н. Смирнова.

45. Бывший командир Персидской казачьей бригады – примечание К.Н. Смирнова.

46. Принц Дараб-мирза – помощник начальника тыла и комендант этапа в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.

47. Командир 2-го Кавказского кавалерийского корпуса, действовавшего в Азербайджане – примечание К.Н. Смирнова.

48. Павел Дмитриевич – генерал-майор Мелик-Шахназаров – начальник тыла – примечание К.Н. Смирнова.

49. Прапорщик штаба Армии, бывший чиновник канцелярии Наместника для пограничных сношений – примечание К.Н. Смирнова.

50. Офицер-восточник – примечание К.Н. Смирнова.

51. Офицер-восточник – примечание К.Н. Смирнова.

52. Офицер Генерального штаба, бывший начальник Общего отдела штаба армии, а потом командир Кубанского казачьего полка в Персии – примечание К.Н. Смирнова.

53. Чиновник Мининдела, прикомандированный к Корпусу – примечание К.Н. Смирнова.
54. Офицер-восточник – примечание К.Н. Смирнова.
55. Князь Шкринский-Шихмаитов – офицер Нижегородского драгунского полка, был на короткое время прикомандирован мне в помощь – примечание К.Н. Смирнова.
56. Исполняющий должность начальника штаба Корпуса, комбриг 1-й Кавказской казачьей дивизии – примечание К.Н. Смирнова.
57. Армянин, нотабль Казвина – примечание К.Н. Смирнова.
58. Офицер Кубанского казачьего полка – примечание К.Н. Смирнова.
59. Хурджин или хорджин – переметная сумка в Иране, а также в странах южного Кавказа – примечание Н.К. Тер-Оганова.
60. Исполняющий должность начальника штаба Корпуса, комбриг 1-ой Кавказской кавалерийской дивизии – примечание К.Н. Смирнова.
61. Драгоман Кирсановых, бывшего военного агента и консула в Мосуле – примечание К.Н. Смирнова.
62. Начальник гарнизона в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.
63. Расстриженный халдейский священник – агент разведки – примечание К.Н. Смирнова.
64. Принц Каджар, войсковой старшина, подполковник Кубанского казачьего войска – примечание К.Н. Смирнова.
65. В 1910 году Дараб-мирза поднял неудачное восстание в Зенджане в пользу Мохаммад Али-шаха. В общем большой плут – примечание К.Н. Смирнова.
66. В.П.Ляхов, бывший командир Персидской казачьей бригады (1906–1909 гг.), в годы Первой мировой войны был комендантом Михайловской крепости г.Батума и руководил военными операциями против турецких войск в районе Черноморского побережья Турции. Он был одним из активных участников взятия русскими войсками г.Трапезунда весной 1916 г. – примечание Н.К. Тер-Оганова.
67. Так звал Ляхов свою жену – примечание К.Н. Смирнова.
68. В 1915 году Ляхов был комендантом Батума – примечание К.Н. Смирнова.
69. Согласно замечанию Смирнова, это отрывок из немецкой песни "Dume, dume Reiter, fahre, fahre weiter" – "Глупый, глупый всадник поезжайте дальше, дальше" – примечание Н.К. Тер-Оганова.
70. Речь идет о командующем Кавказской армии Н.Н.Юдениче – примечание Н.К. Тер-Оганова.
71. Офицер-восточник из Разведывательного отделения штаба [Кавказской] армии – примечание К.Н. Смирнова.
72. Начальник Ардебильского отряда – примечание К.Н. Смирнова.
73. Российский консул в Ардебиле – примечание К.Н. Смирнова.
74. Чиновник Мининдела для пограничных сношений при Наместнике Кавказа – примечание К.Н. Смирнова.
75. Бывший пограничный комиссар с Персией в районе Ардебилля – примечание К.Н. Смирнова.
76. Место штаба 5-го Кавказского корпуса в районе Трапезунда. На время Баратов был назначен туда во время революции – примечание К.Н. Смирнова.
77. Казачий офицер, бывший в штабе Экспедиционного корпуса в Персии – примечание К.Н. Смирнова.
78. Вспомогательный крейсер, в мирное время румынский пароход – примечание К.Н.Смирнова. Как выясняется, "Dacia" – грузопассажирское судно – в 1916 г. было передано Румынией в распоряжение российского Черноморского флота, где уже под русифицированным названием "Дакия" фактически стала вспомогательным крейсером – примечание Н.К. Тер-Оганова. Более подробно об истории этого судна см.: <http://www.kruiznik.ru/forum> и <http://www.river-forum.ru/archive>.
79. Смирнов имеет в виду гидропланы – примечание Н.К. Тер-Оганова.
80. Капитан 2 ранга, офицер связи при штабе 5-го корпуса – примечание К.Н. Смирнова.
81. Начальник трапезундского укрепленного района – примечание К.Н. Смирнова.

82. Прапорщик Курандчиев – примечание К.Н. Смирнова.

83. Переводчик Колларо – примечание К.Н. Смирнова.

84. Сам великорусс, но вырос в Малороссии и ярый сторонник автономии Украины – примечание К.Н. Смирнова.

85. Подполковник Михаил Андреевич Ардатов, восточник, был офицером связи от Кавказской армии при Черноморском флоте в Севастополе, ранее того был заведующим [разведкой – Н.К. Тер-Оганов] в Трапезунде – примечание К.Н. Смирнова.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 7, Is. 1, pp. 30-39, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.7.30
www.ejournal6.com

UDC 355.49

The Price of Carelessness

Yuri F. Katorin

National research university of information technologies, mechanics and optics, Russian Federation
197101, Sankt-Peterburg, Kronverkskiy prospekt, 49
Dr. (Military), Professor
E-mail: katorin@mail.ru

Abstract

In the article it is told about one of the episodes World War II (1939 – 1945) – the loss of Australian cruiser HMAS «Sydney» in combat with the German raider HSK-8 «Kormoran», the picture of battle is restored, the effective forces and loss of sides are analyzed, is in detail described the raid «Kormoran» for the disturbance of British navigation, speaks out the version of the reason for sinking powerful warship, by the auxiliary cruiser, which was in the essence the armed merchant ship.

Keywords: HMAS «Sydney»; HSK-8 «Kormoran»; secret of the loss; World War II; Australian fleet; battle on sea.

Введение

В 2008 году после долгих поисков были обнаружены останки австралийского крейсера «Сидней» (HMAS «Sydney»), погибшего при весьма загадочных обстоятельствах в ноябре 1941 года, которые были тщательно исследованы специальной комиссией, что позволило сделать подробную реконструкцию боя. В СМИ немедленно появился целый ряд публикаций, что «тайна гибели корабля наконец-то разгадана». Действительно эта трагедия породила многие «мифы и легенды» и о диверсии и о японской подводной лодке [1].

Обсуждение

Однако, загадочной эта история была только для обывателя, ибо и в английской и в германской военно-исторической литературе подробности этого инцидента были приведены еще в 1950-е годы. Мало того, эти книги вскоре были переведены на русский язык, но практически не известны широкому читателю [2, 3, 4].

Поэтому, хотя и был ряд публикаций в популярных изданиях [5, 6], возьму на себя смелость на основании анализа нескольких таких источников и последних данных, полученных при обследовании затонувшего крейсера, попробовать поподробнее осветить этот поистине уникальный случай.

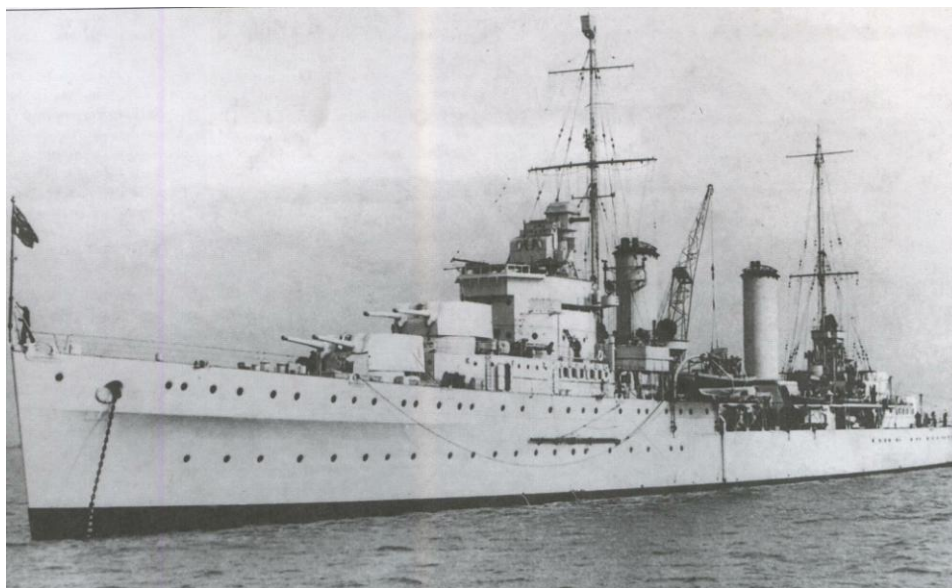

Рис. 1. Крейсер «Сидней» в 1940 г.

Результаты

Для нарушения британского судоходства немецкое морское командование на начальном этапе Второй мировой войны широко использовало вспомогательные крейсеры. Эти корабли, выходя на задание, маскировались либо под торговое судно нейтральной страны, либо даже под судно противника. На них скрытно размещалась артиллерия среднего калибра, а иногда рейдеры вооружались даже торпедными аппаратами и разведывательными самолетами. Все свободное место занималось запасами, необходимыми для многомесячного непрерывного плавания. На должность командиров подбирались наиболее смелые и находчивые офицеры, а экипажи комплектовались, как правило, только из добровольцев [2].

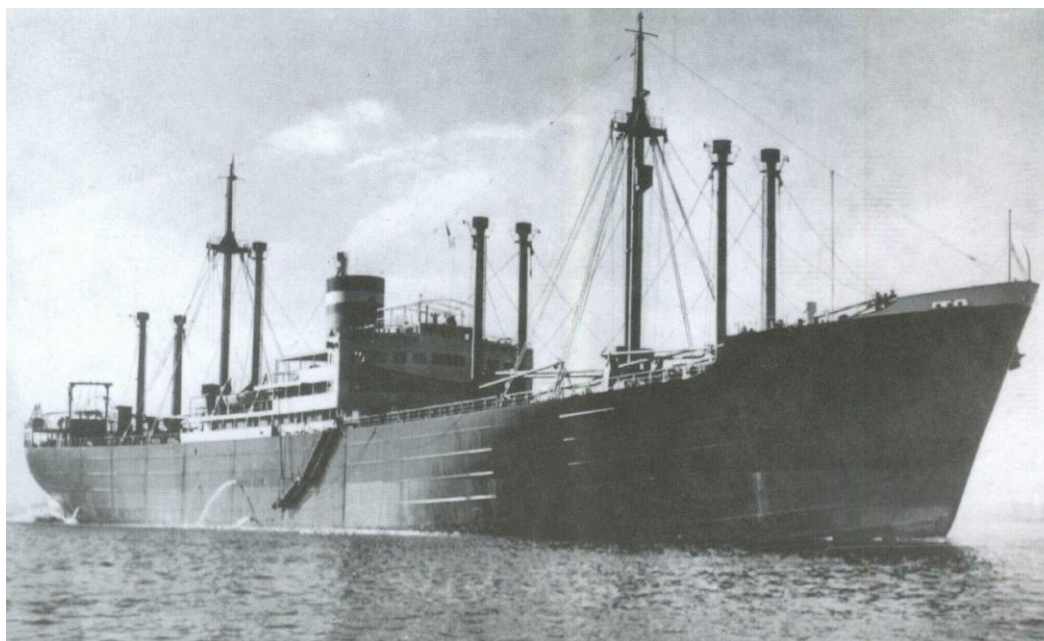

Рис. 2. Вспомогательный крейсер «Корморан» перед выходом в рейд

Одним из таких рейдеров стал вспомогательный крейсер «Корморан» (HSK-8 «Kormoran»). В мирное время судно называлось «Штейермарк» и («Steiermark») принадлежало компании «Гапаг». Это был совсем новый дизель-электроход водоизмещением 9500 т, который обладал максимальной скоростью в 18 узлов и мог пройти 70 000 миль 10-узловым ходом. После своего превращения во вспомогательный крейсер, он был вооружен шестью современными 150-мм и одним 75-мм морскими орудиями, четырьмя 40-мм, двумя 37-мм и пятью 20-мм зенитками и шестью торпедными аппаратами [7].

В трюмах помимо запасов хранилось 280 якорных и 40 донных мин, а также два самолета-разведчика «Арадо» Ar-196 (в разобранном виде). Экипаж насчитывал 18 офицеров и 391 матросов и старшин. [2]

3 декабря 1940 года под командованием капитана 2 ранга Теодора Антона Детмерса (Theodor Anton Detmers; 1902–1976) «Корморан» вышел из Киля в море для борьбы с торговым флотом противника в центральной части Атлантического и южной части Индийского океанов [3].

После того как ему посчастливилось прорваться через Датский пролив, рейдер направился в центральную часть Атлантики, где 6 января 1941 года и встретил свою первую жертву – греческое судно «Антонисом» («Antonis»; 3729 брт, 1915 г.) компании «Лемос». Сблизившись до трех километров, немцы потребовали остановиться и не пользоваться радио. Абордажная команда установила, что пароход вез 4800 т угля из Кардиффа в Розарио (Уругвай) по британскому фрахту. С угольщика перевезли на вспомогательный крейсер 29 человек, 7 овец, запасы продовольствия и несколько найденных на борту пулеметов с боеприпасами к ним. Затеи «Антонис» пустили на дно подрывными зарядами.

Рис. 3. Рейдер принимает на борт команду, потопленного им судна

Через 12 дней ночью он потопил крупный английский танкер «Бритиш Юнион» («British Union»; 6987 брт, 1927 г.). Капитан танкера Л. Этхилл вступил в бой и стал передавать сигналы бедствия. Тогда немцы открыли огонь на поражение. Англичане сумели в ответ произвести всего четыре выстрела из единственной пушки. Горькая правда заключалась в том, что все вооружение танкера было гораздо старше самого судна и обслуживалось членами экипажа, которые имели опыт обращения с подобным оружием лишь в рамках однодневного курса, спешно проведенного во время стоянки в порту, поэтому

«бой» закончился быстро. Когда команда стала спускать шлюпки, рейдер прекратил стрельбу, принял англичан на борт и добил судно торпедой. Находившийся совсем неподалеку британский вспомогательный крейсер «Арава» («Arava») заметил оружейные вспышки и поспешил к месту боя, но немцам удалось уйти. 29 января «Карморан» потопил английские суда «Африк Стар» («Afric Star»; 11 900 брт, 1926 г.), и «Юрилокус» («Eurylochus»; 5723 брт, 1912 г.). Последнее имело на борту ценнейший военный груз – боевые самолеты, с которыми шло в Такаради. Оба потопленных судна успели дать радиogramмы о нападении. Командующий морскими силами во Фритауне немедленно выслал для обследования района тяжелые крейсера «Норфолк» (HMS «Norfolk») и «Девоншир» (HMS «Devonshire») [4]. Однако рейдер и на этот раз сумел ускользнуть и направился в Южную Атлантику для randevу с танкером «Нордмарк» («Nordmark»). С него рейдер перекачал 1339 т топлива, в обратном направлении на танкер проследовали 170 пленных [2].

Рис. 4. Командир «Корморана» Теодор Антон Детмерс, фото сделано в плену, он уже с погонами капитана 1 ранга и с Рыцарским крестом

25 февраля 1941 года в Южной Атлантике «Карморан» встретился с двумя немецкими подводными лодками U-37 и U-65, которым передал горючее и продовольствие. 15 марта состоялось длительное randevу с U-124 (капитан-лейтенант Георг-Вильгельм Шульц), на лодку передали торпеды, припасы и топливо. Подводники, уже более 30 дней запертые в стальной «коробке», в это время смогли в полной мере ощутить комфорт на борту крупного корабля, не только приняв душ, но и искупавшись в бассейне, сооруженном на палубе «Корморана», а после насладиться обедом из свежих продуктов, пивом и просмотром кинофильмов.

22 марта рейдер потопил небольшой английский танкер «Агнита» («Agnita»; 3552 брт, 1931 г.), а еще три дня спустя, захватил крупнотоннажный танкер «Кэнадолит» («Canadolite»; 11 309 брт, 1926 г.) с грузом бензина, который отправил в Бордо в качестве призового судна. Под командой лейтенанта Х. Бло (Henrik Blo) танкер благополучно достиг устья Жиронды 13 апреля [3].

В начале апреля рейдер встретился с двумя вспомогательными судами снабжения, пополнил запасы, передал пленных и вновь возвратился в прежний район. Здесь 9 и 12 апреля 1941 года ему попались еще две жертвы. Британский сухогруз «Крафтсман» («Craftsman»; 8022 брт, 1922 г.) и греческий лесовоз «Николаос Д. Л.» («Nicolaos D.L.»; 5486 брт, 1939 г.). Однако по-настоящему «зашевелились» и союзники. Поэтому, напуганный усилившейся активностью английских кораблей, Детмерс попросил решение закончить боевые действия в Северной Атлантике, продолжавшиеся четыре с половиной месяца в течение которых он уничтожил или захватил 8 судов общим тоннажем 58 708 т, и направиться на юг [2].

Через шесть дней рейдер прибыл в свой новый район. Но удача отвернулась от немцев, первые четыре недели поисков не принесли им успеха. 24 июня 1941 года «Корморан» находился в 200 милях к юго-востоку от Мадраса, перед входом в порт которого он намеревался выставить мины. Показавшийся на горизонте военный корабль, заставил отказаться от этого намерения и поспешно ретироваться. А так как в районе Калькутты,

выбранной в качестве второй цели, в тот момент свирепствовал ураган, то Детмерс решил временно отказаться от поставки заграждений и направился на юго-восток, уходя из Бенгальского залива. Мины остались на борту, сыграв впоследствии роковую роль в судьбе корабля [3].

Через два дня немцам удалось потопить еще два судна (югославское и английское) «Велебит» («Velebit»; 4135 брт, 1911 г.) и «Мариба» («Mareeba»; 3472 брт, 1921 г.), доведя общий тоннаж своих жертв до 64 333 т. Предпринятый рейд к островам Ява и Суматра не дал результатов. Поэтому командир «Карморана» направился в район восточнее Мадагаскара, где за три месяца до этого другой немецкий рейдер обнаружил много заманчивых целей [2].

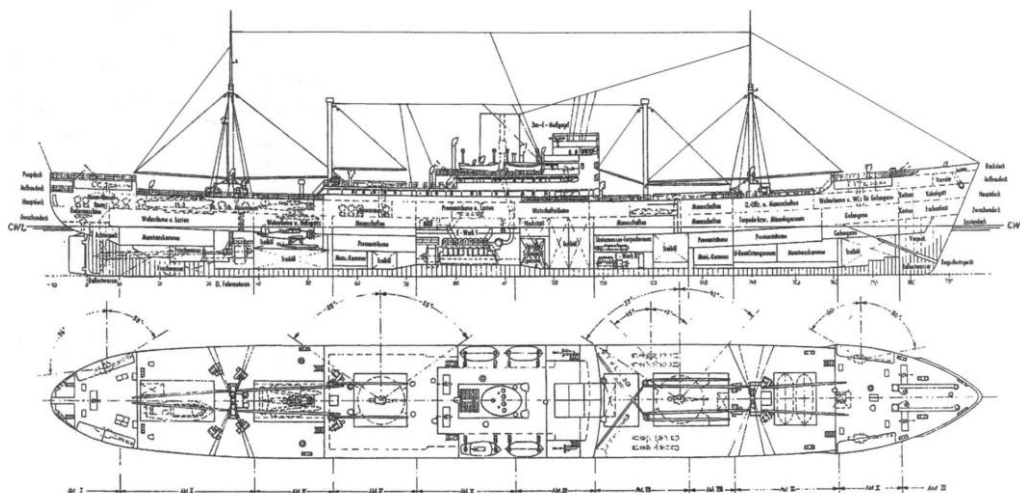

Рис. 5. Схема рейдера «Корморан»

После недельного патрулирования в указанном районе немцы, наконец, смогли настигнуть одно греческое судно «Стаматийос Г. Эмбирикос» («Stamatios G. Embiricos»; 3941 брт, 1936 г.). Всего за 5 месяцев плавания в Индийском океане рейдер потопил только 3 корабля общим водоизмещением 11 566 т. В конце сентября 1941 года он встретился с судном снабжения «Кульмерланд» («Kulmerland»), доставившим из Японии продовольствие и топливо [2].

Пополнив запасы и сдав пленных, немцы пошли к берегам Западной Австралии. Командир вспомогательного крейсера, естественно, не знал, что английское адмиралтейство ввело в действие систему опознавания путем нанесения на планшет местонахождения всех дружественных торговых судов и обеспечения их индивидуальными секретными опознавательными сигналами [4, 8].

Рейд в австралийских водах первые дни не принес результатов. Наконец, 19 ноября 1941 года в 16 ч. 00 мин. вахтенные сигнальщики доложили о появлении на горизонте верхушек мачт и легкого дымка. Море было спокойным, дул небольшой ветерок, небо ясное, видимость просто изумительная. «Карморан» пошел на сближение, тоже сделало и встречное судно. Через несколько минут командир сумел в бинокль разглядеть характерный силуэт двухтрубного военного корабля. Детмарс заглянул в справочник-определитель и похолодел: к его судну приближался австралийский легкий крейсер «Сидней» (HMAS «Sydney») [8].

Перед самой войной, в 1937 году, в составе британского флота появились крейсера «Фаэтон» («Phaeton»), «Амфион» («Amphion») и «Апполо» («Appolo»), вскоре переведенные в состав австралийского флота и переименованные соответственно в «Сидней» («Sydney»), «Перт» («Perthes») и «Хобарт» («Khobart»). Это были довольно крупные корабли длиной 170 м и водоизмещением 6985 т. Четыре паровых турбины суммарной мощностью 72 000 л. с. позволяли развивать скорость до 32,5 узла. Вооружение состояло из восьми 152-мм орудий в четырех башнях, четырех 102-мм универсальных пушек

в палубных установках и также восьми 40-мм зениток. Броневой пояс имел толщину 102-52 мм, палуба прикрывалась 51-мм броней, а башни 25-мм [9, 10].

Из приведенных технических характеристик видно, что крейсер «Сидней» являлся не только полноценным, но и весьма достойным представителем своего класса. Поэтому совершенно непонятно, почему, вообще-то достаточно объективный, известный английский военно-морской историк Стефен Уэнтворт Роскилл (Roskill Stephen Wentworth; 1903–1982) в своем капитальном 3-томном труде «Флот и война» скромно именует «Сидней» эскортным кораблем (т. 1. с. 537).

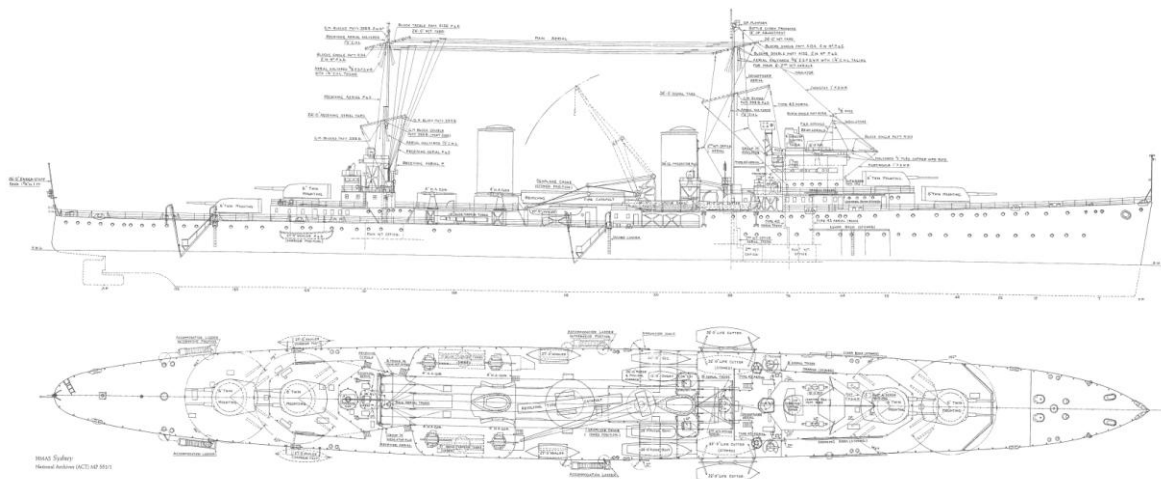

Рис. 6. Чертеж крейсера «Сидней»

Детмарс хорошо понимал, что в открытом бою с современным крейсером его судно будет мгновенно потоплено, поэтому решил использовать маленький шанс – попробовать обмануть противника. Орудия и другие предметы военного назначения были тщательно замаскированы. После каждого нападения немцы с помощью специальных щитов меняли очертания надстроек, колер окраски и даже иногда ставили фальшивую трубу. Первоклассная радиоаппаратура самого современного типа позволяла не только держать надежную связь с Германией, но и вести прослушивание вражеских переговоров, вследствие чего командир «Корморана» прекрасно знал, какие суда союзников находятся в этом районе, и выбирал наиболее правдоподобную легенду прикрытия. В данный момент он выдавал себя за голландское торговое судно «Страат Малакка» («Straat Malakka»). Австралийские воды были еще практически не тронуты войной, а вдруг крейсер куда-нибудь спешит, поэтому обойдется только поверхностным опросом и не станет тратить время на полный досмотр [2].

Боевой корабль вместе с тем неумолимо приближался, в 16 ч. 30 мин. с него была принята первая команда: «Подать свой опознавательный сигнал». Немцы выполнили приказ, продолжая следовать прежним маршрутом. Сблизившись на 1800 м, «Сидней» лег на параллельный курс, пытаясь установить истинную национальную принадлежность обнаруженного судна. Командир австралийского крейсера капитан 1 ранга Джозеф Бернет (Captain Joseph Burnett; 1899–1941) неоднократно пытался запросить у «торгового судна» его опознавательные знаки, но немецкий капитан всячески тянул время. Бдительность австралийской команды была низкой, похоже командир «Сиднея» верил, что перед ним голландский «Страат Малакка» и просто формально выполнял приказ о досмотре всех судов [11].

Тогда немцы, продолжая игру, заполнили эфир призывами о помощи: «Мирный корабль преследуется вражеским рейдером! Помогите, кто может!». Однако это не произвело никакого впечатления, и последовала команда: «Застопорить машины». Детмерс выполнил и этот приказ, поскольку четко понимал, что в случае боя лучше иметь дело с неподвижным врагом, ибо только тогда появится шанс отличиться у его торпедистов [2].

Рис. 7. Кэптин Джозеф Бернет – командир крейсера «Сидней»

Корабли остановились, и в этот момент австралийцы потребовали поднять секретный опознавательный сигнал. На рейдере поняли, что игра проиграна, но Детмерс максимально тянул время, ибо его высокобортное судно под действием ветра дрейфовало в сторону приземистого боевого корабля, что сокращало и так небольшую дистанцию между ними. Наконец, на крейсере стали терять терпение, и приказ принял вид ультиматума. Суда сблизилась уже на 1100 метров и немцы решили, что пора переходить к делу [9].

Опытный морской офицер (на флоте с 1921 года) командир рейдера в последний раз оценил обстановку. Вид вражеского корабля внушил ему некоторую надежду на то, что его положение не так уж безнадежно. На боевых постах было немногочисленно, и хотя две носовые башни главного калибра «на всякий случай» были нацелены на обследуемое судно, другие артиллерийские расчеты отсутствовали на своих местах, а на палубе было много «праздношатающейся публики». Судя по всему, даже не была сыграна «боевая тревога». Детмарс лихорадочно размышлял, куда направить первый залп, попробовать уничтожить носовые башни, или дезорганизовать управление кораблем, сбив командирский мостик, где хорошо просматривалась большая группа офицеров? За откидными, маскировочными щитами в страшном напряжении застыли орудийные расчеты. Цели они не видели, но приборы управления огнем выдавали все необходимые для стрельбы данные [2].

Наконец, решение принято: взвыли сирены, упали маскировочные щиты, на мачте взвился нацистский флаг. Первый залп принес немцам большой успех: на крейсере был практически разрушен командирский мостик с постом управления огнем артиллерии. Расчеты Детмерса полностью оправдались, ответный залп австралийцев дал большой перелет (это с 1100 м!). Зато немцы своим вторым залпом буквально снесли у крейсера носовые башни. Почти одновременно одна из выпущенных «Кормораном» торпед образовала пробоину в районе мостика вражеского корабля, и «Сидней» резко осел на нос. Судя по всему, торпеда сильно повредила двигательную установку. Еще один залп немцев уничтожил бортовой самолет и все судовые шлюпки, крейсер вспыхнул как факел [2, 4].

Замешательство австралийцев было не слишком долгим. «Сидней», наконец, собрался и ответил по-настоящему: два шестидюймовых снаряда, выпущенные из кормовой башни снесли баковое орудие «Корморана» вместе с расчетом. В 17 ч. 45 мин. немецкий рейдер лишился хода, крупный снаряд поразил машину, начался сильный пожар. Однако положение австралийцев было еще хуже: практически вся артиллерия правого борта была

уничтожена, на корабле бушевали многочисленные пожары [4]. Несмотря на это, крейсер сделал слабую попытку развернуться, чтобы ввести в дело уцелевшие 102-мм орудия левого борта, но «Корморан» снова накрыл его беглым огнем из всех оставшихся пушек. Немцы стреляли с великолепной скоростью, сказывались долгие часы тренировок их артиллеристов. Тогда австралийцы решили выйти из боя, и объятый пламенем «Сидней» начал медленно удаляться. Его орудия уже не отвечали, мачты отсутствовали, палубные надстройки были уничтожены. Немцы осыпали беспомощный крейсер снарядами до тех пор, пока он в 18 ч. 30 мин. не скрылся за горизонтом. К этому времени почти совсем стемнело. Яркая вспышка, озарившая ночное небо в 22 ч. 00 мин. в направлении, куда ушел подбитый корабль, была вызвана, очевидно, его взрывом. Подробности последних часов несчастного крейсера неизвестны, так как с «Сиднея» не удалось спасти ни одному человеку [11].

Положение «Корморана» тоже было очень тяжелым. Помимо того, что выбыло из строя 46 человек из состава экипажа и была разбита машина, продолжались сильные пожары, а на борту находилось большое количество мин. Если бы не этот злополучный груз, экипажу, уже в некоторой степени локализовавшему огонь, наверняка удалось бы справиться с пожаром, а наличие на судне прекрасной мастерской и квалифицированных механиков, давали надежду и на починку двигателя. [2]

Но все усилия оказались тщетны: когда температура в «минных трюмах» стала приближаться к критической, командир приказал оставить корабль, и вскоре после полуночи он со страшным грохотом взлетел на воздух. Целая флотилия из спасательных шлюпок под парусами двинулась к Австралийскому побережью. Вскоре к мэру небольшого городка на западе Австралии поступило тревожное известие: на побережье высаживаются немцы. Притом, не пара десятков человек с потопленной подводной лодки, а сотни военных моряков. В городе началась паника. Однако немцы, сохраняя идеальную дисциплину, безропотно сдались в плен, не проявив ни малейшего желания завоевывать Австралию. Еще часть экипажа была выловлена в море со спасательных плотов австралийскими кораблями [2, 5].

Это были 315 моряков и 3 китайца-прачки из более 600, вышедших почти год назад на «Корморане» с другого конца Земного шара в трудный и опасный рейд, для нарушения британского торгового судоходства. Домой на захваченном танкере вернулись только 16 человек из состава призовой партии. Погибло 80 человек – 2 офицера и 78 матросов (из них 34 на перевернувшемся спасательном плоту), остальные надолго попали в плен. 4 декабря 1941 года Т. Детмерс, находясь в плену, стал кавалером Рыцарского креста, а 1 апреля 1943 года получил чин капитана 1 ранга. Освободили команду рейдера только в самом начале 1947 года. За время нахождения в лагере, несмотря на более чем сносные условия содержания, один из моряков умер от болезни, остальные благополучно вернулись домой [6].

Что касается причин, по которым произошел этот совершенно уникальный в военно-морской истории случай, то вина за поражение, конечно, целиком и полностью лежит на командире австралийского крейсера. Те несколько секунд, на которые рейдер упредил его в открытии огня, а самое главное сумел в упор пустить торпеды, оказались решающими. Проявив преступную беспечность и полнейшее пренебрежение элементарными мерами безопасности при встрече в море с незнакомым судном, командир фактически погубил могучий боевой корабль и 645 человеческих жизней. Самое удивительное, что «Сидней» получал дважды в день сообщения о положении всех торговых судов дружественных стран, и должен был знать, что ни одного из них не было в районе ближе 200 миль. Впрочем, надо отдать должное и капитану 2 ранга Детмерсу, все ошибки своего оппонента он использовал на 100 % [6, 11].

Для Австралии гибель «Сиднея» стала подлинной национальной трагедией – все 645 членов его экипажа погибли, что является самой большой потерей австралийского флота в его истории. Мало того, крейсер стал также самым большим союзным кораблем, погибшим во время Второй мировой войны со всей командой [8, 9].

Заключение

Долгое время место гибели обоих кораблей было известно лишь приблизительно. Найти крейсера удалось только в марте 2008 года после того, как правительство Австралии выделило средства для программы их поиска. Они были обнаружены на глубине двух с половиной километров примерно в 100 морских милях от западного побережья Австралии. Интересно, что «Сидней» нашли спустя менее суток после того, как в том же районе был найден затонувший «Корморан», с которым и вели бой австралийские моряки в ноябре 1941 года. Обнаружение обломков позволило экспертам исследовать повреждения, нанесенные обоим кораблям, и сверить их с официальными записями и свидетельствами, взятыми у выживших членов экипажа «Корморана», благодаря чему стало возможным определить, что случилось с крейсером «Сидней». Всего за время часового боя «Корморан» расстрелял около 550 150-мм снарядов и добился, по немецким данным, более пятидесяти попаданий (подводные исследования показали, по крайней мере, 87 попаданий 150-мм снарядов). Реконструкция боя позволила получить доказательства того, что от снарядов и торпеды сразу погибли 70 % команды «Сиднея». Многие члены экипажа были ранены или блокированы в отсеках судна, задымленных продуктами горения и токсичными веществами. Те, кто не пострадали и смогли выбраться на палубу, не имели шансов выжить в открытом море без спасательных лодок. [12]

Руководивший исследованием эксперт Теренс Коул (Terence Cole) в своем докладе объемом в полторы тысячи страниц тоже сделал вывод, что капитан 1 ранга Джозеф Бернетт допустил непростительную ошибку, не отдав приказа своему экипажу заступить на боевые посты при приближении к незнакомому кораблю, оказавшемуся немецким вспомогательным крейсером. В результате, как утверждает эксперт, «Сидней» приблизился к «Корморану» на опасное расстояние, где все его тактические преимущества сводились на нет, а немецкий корабль получил возможность атаковать, используя эффект неожиданности [12].

Мне, конечно, искренне жалко австралийцев – и не только по-человечески, а и потому что они рука об руку с моими предками дрались против нашего общего врага. Но эта история должна лишней раз подчеркнуть мысль, которую любому военному человеку с первых дней службы повторяло и повторяло множество командиров всех степеней: «До последней буквы учи Устав, учи боевые наставления, учи инструкции, ибо их страницы писаны кровью далеких и неизвестных людей, учи, чтобы их смерть и увечья не пропали зря, учи!»

Примечания:

1. Winter Barbara. H.M.A.S. Sydney: Fact, Fantasy and Fraud. Spring Hill, QLD: Boolarong Publications, 1982. 182 p.
2. Мировая война. 1939–1945 годы: сборник статей / пер. с нем. А.А. Высоковского и А.И. Дьяконова. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 538 с.
3. Ф. Руге. Война на море, 1939–1945. СПб.: Полигон, 2002. 392 с.
4. Роскилл С. Флот и война. Том 1. М.: Воениздат. 1974. 711 с.
5. Павлов И. «Сидней», вас не слышим. Отвечайте! // Техника-Молодежи. 1970. №1.
6. Каторин Ю.Ф. Парадоксы военной истории. СПб.: Полигон, 2005. 486 с.
7. Виктор Галыня. Рейдеры Гитлера Вспомогательные крейсера Кригсмарине. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2009. 192 с.
8. Stevens David. The Royal Australian Navy in World War II. Crows Nest, NSW: Allen & Unwin, 2005. 612 p.
9. Tom Frame. HMAS Sydney. Loss and Controversy. 1. Sydney: Hodder & Stoughton, 1993. 300 p.
10. Conway's All the World's Fighting Ships, 1922–1946. Annapolis, Maryland, U.S.A.: Naval Institute Press, 1996. 868 p.
11. Olson Wesley, Bitter Victory. The Death of HMAS Sydney. Nedlands, WA: University of Western Australia Press, 2000.
12. McCarthy Michael. An insight into the Genesis and Evolution of the HMAS Sydney Controversy. Report—Department of Maritime Archaeology. No. 243. Department of Maritime Archaeology, Western Australian Museum. Retrieved 19 November 2011.

References:

1. Winter Barbara. H.M.A.S. Sydney: Fact, Fantasy and Fraud. Spring Hill, QLD: Boolarong Publications, 1982. 182 p.
2. Mirovaya voina. 1939–1945 gody: sbornik statei / per. s nem. A.A. Vysokovskogo i A.I. D'yakonova. M.: Izd-vo inostr. lit., 1957. 538 s.
3. F. Ruge. Voina na more, 1939–1945. SPb.: Poligon, 2002. 392 s.
4. Roskill S. Flot i voina. Tom 1. M.: Voenizdat. 1974. 711 s.
5. Pavlov I. «Sidnei», vas ne slyshim. Otvechaite! // Tekhnika-Molodezhi. 1970. №1.
6. Katorin Yu. F. Paradoksy voennoi istorii. SPb.: Poligon, 2005. 486 s.
7. Viktor Galynya. Reidery Gitlera Vspomogatel'nye kreisera Krigsmarine. M.: Kolleksiya, Yauza, Eksmo, 2009. 192 s.
8. Stevens David. The Royal Australian Navy in World War II. Crows Nest, NSW: Allen & Unwin, 2005. 612 p.
9. Tom Frame. HMAS Sydney. Loss and Controversy. 1. Sydney: Hodder & Stoughton, 1993. 300 p.
10. Conway's All the World's Fighting Ships, 1922–1946. Annapolis, Maryland, U.S.A. : Naval Institute Press, 1996. 868 p.
11. Olson Wesley, Bitter Victory. The Death of HMAS Sydney. Nedlands, WA: University of Western Australia Press, 2000.
12. McCarthy Michael. An insight into the Genesis and Evolution of the HMAS Sydney Controversy. Report—Department of Maritime Archaeology. No. 243. Department of Maritime Archaeology, Western Australian Museum. Retrieved 19 November 2011.

УДК 355.49

Цена безопасности

Юрий Федорович Каторин

Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Российская Федерация
197101, Санкт-Петербург, Кронверский проспект, 49
Доктор военных наук, профессор
E-mail: katorin@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается об одном из эпизодов Второй мировой войны (1939–1945) – гибели Австралийского крейсера HMAS «Сидней» в бою с немецким рейдером HSK-8 «Карморан», восстановлена картина боя, анализируются силы действия и потери сторон, подробно описан рейд «Карморана» для нарушения британского судоходства, высказывается версия причины потопления мощного боевого корабля, вспомогательным крейсером, который был по сути вооруженным торговым судном.

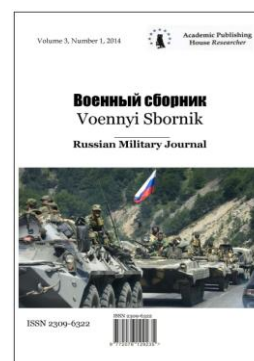
Ключевые слова: крейсер «Сидней»; рейдер «Корморан»; тайна гибели; Вторая мировая война; Австралийский флот; морской бой.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 7, Is. 1, pp. 40-47, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.7.40
www.ejournal6.com

UDC 94(47).084.8

Condition and Organization of Everyday Life in the Military Units of the Southwestern, Stalingrad and Don fronts (1942–1943)

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

The article is devoted to various aspects of the condition and organization of the everyday life of military units of the Southwestern, Stalingrad and Don fronts in 1942–1943 years. The looks of the questions of food and clothing supplies, ensure domestic needs and recreation. At the base of the article are documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, recorded memories participants in the events of that time, published sources.

Keywords: Great Patriotic War; Southwestern Front; Stalingrad Front; Don Front; normalized everyday life; leisure

Введение

Летом 1942 г. – зимой 1943 г. войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов вели ожесточенные бои в междуречье Дона и Волги на подступах к Сталинграду, а затем в самом городе. По свидетельствам очевидцев, «*это был кромешный ад*», пережив который, «*войны уже можно было и не бояться*» [1]. Между тем, не бояться ее можно было и по причинам вполне обыденного свойства: война становилась неотъемлемой частью повседневной жизни огромной страны, и, прежде всего, тех, кто воевал. Неустроенность фронтового быта первых полутора лет войны постепенно сменялась налаживанием жизни за линией фронта. В расположениях частей появлялись не только бани, но и сапожные мастерские, менялись калорийность и рацион питания, улучшалось вещевое довольствие военнослужащих. Однако процесс этот был не столь скоротечен и зависел от целого ряда обстоятельств, вносящих в нормирование фронтовой повседневности неизбежные коррективы.

Материалы и методы

Статья основывается на документах фондов военно-санитарных управлений, управлений службы тыла и политуправлений Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов ЦАМО РФ; записанных воспоминаниях участников событий того времени и историографических источниках. Методами анализа используемого материала выступают многофакторный анализ и историко-сравнительный метод, позволившие выявить

особенности организации быта и досуга военнослужащих конкретных подразделений в рассматриваемый период времени.

Обсуждения и результаты

Неустроенность фронтового быта первых месяцев войны была вызвана не только ее внезапностью, но и представлениями о скоротечности боевых действий на территории противника. Наступательная военная доктрина Красной армии не предполагала длительной эшелонированной обороны, да и сама необходимость обеспечения бытовых потребностей военнослужащих не рассматривалась «всерьез и надолго». Всенародный характер Красной армии должен был обеспечить ей хотя бы временный кров, а поддержка населения – продукты первой необходимости. Однако действительность оказалась куда сложнее и потребовала скорейшего налаживания армейского быта.

Уже первое столкновение с реалиями жизни большой страны выявило «*существенные недостатки в ее организации*». «Конъюнктурный обзор санэпидемсостояния войск Юго-Западного фронта за три месяца войны (июль, август, сентябрь 1942 г.)» показал, что войска, действовавшие на территории Украины и располагавшиеся по населенным пунктам, оказались «*в крайне неудовлетворительном санитарном состоянии*»: «*В связи с отсутствием достаточного количества местных бань и благоустроенных колодцев, войска испытывали затруднения по линии банно-прачечного обслуживания и водоснабжения. Санитарное состояние населенных пунктов на территории фронта было крайне низкое. Особенно неблагоприятно обстоял вопрос с водоснабжением. Вследствие загрязнения территории населенных пунктов и плохого состояния местных колодцев, все исследованные воды, которые использовались войсками, показали, что как гигиенические, так и бактериологические показатели качества воды низкие <...> Банно-прачечных объектов в населенных пунктах было мало, притом лишь по райцентрам. В сельской местности бань и прачечных совсем не было, население пользовалось лишь водоемами*» [2]. Завиженность местного населения, достигавшая в среднем до 50 %, не могла не сказаться и на состоянии расквартированных в населенных пунктах частей и составила «*в армейских подразделениях 10–35 %, а в 26 А до 80–100 %. Белье менялось нерегулярно, мылись редко*». Еще одной причиной столь «*вопиющего антисанитарного состояния военнослужащих*» называлась плохая обработка пополнения и его частые передвижения [3].

Схожая ситуация наблюдалась и в обеспечении войсковых подразделений зимней одеждой, продуктами питания, организации бытового обслуживания. По состоянию на конец ноября 1941 г. 100-я отдельная автомобильно-санитарная рота Донского фронта «*не имела ни одной шапки, валенок, теплых шаровар, теплого белья, телогрейки, рукавиц. Бойцы и командиры в декабре месяце носили летние пилотки, летнее обмундирование и обувь, притом крайне изношенные. Люди не мылись три месяца. Имела место полная завиженность личного состава*» [4]. Прокурорская проверка только 28-й, 51-й, 57-й, 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта в декабре 1942 г. выявила, что «*снабжение бойцов и командиров по зимнему плану в соответствии с приказом НКО № 0908 от 21.11-1942 г. и приказа Сталинградского фронта № 053 от 12.11-1942 г. продолжает оставаться крайне неудовлетворительным. Особо тяжелое положение имеет место в 152 ОСБ [отдельная стрелковая бригада – Т.Х.]. Личный состав бригады имеет разбитую и требующую немедленной замены обувь, а некоторая часть людей совершенно не имеет обуви и ходит с обмотанными ногами в портянки. Несмотря на наличие починного материала, ремонт обуви не организован. Белье на протяжении 1,5 месяцев не менялось и имеется большой процент завиженности. В бригаде не организована доставка воды, в результате чего бойцы не имели по 3–5 дней воды и из-за отсутствия таковой оставались без горячей пищи*». В соединениях 7-го стрелкового корпуса отмечалось никое качество приготовления пищи, перебой с доставкой жиров. В 96-й бригаде водка выдавалась по умеренной норме, а ее незаконная выдача привела к «*присвоению со стороны комбата 93-й бригады капитана Сафронова в количестве 46 л. Стирка белья не организована*». Признавалось, что такое положение «*в дальнейшем нетерпимо*» и влияет на морально-политическое состояние личного состава [5].

Примечательно, что водка, ассоциирующаяся в массовом сознании непременным атрибутом довольствия военнослужащих, в рацион питания фронтовиков была введена только в конце августа 1941 г. И если первоначально ее 100 гр. выдавались «красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии», то начиная с мая 1942 г., они стали выдаваться лишь «военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков». Дневная норма выдачи увеличивалась до 200 гр. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдача водки по 100 гр. на человека полагалась исключительно в революционные праздники, к которым были отнесены: годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, день Конституции, день Нового года, день Красной армии, дни международного праздника трудящихся, Всесоюзный день физкультурника, Всесоюзный день авиации и Международный юношеский день [6]. О ценности водки как «продукта стратегического назначения» вспоминал 11-летний участник обороны Сталинграда А.М. Гуревич, выполнявший в октябре 1942 г. роль снабженца приютившего его батальона: «Я пошел за сухарями, пришел, а мне сухари не дали, мне обычно старшина писал записку и давал пустую накладную и расписывался, и то, что они давали, они заполняли, а уже подпись старшины была, что он получил. Вот такой документ у меня с собой всегда был. Я помню, такая большая накладная как лист и там это все, его роспись. Я пришел, мне сухарей не дали, говорят, нет сухарей, но ты, говорит, возьми сахар и спирт, я говорю, нет, ну водку, я водку брать не буду, у меня, во-первых, не во что водку брать, а, во-вторых, я не буду брать водку, мне старшина строго запретил, он мне сказал: “Водку, ни в коем случае”. Он не доверял никому водку, сам ходил за водкой, сам проходил этот ад 500 метров, чтобы взять водки» [7].

30 августа 1942 г. заместитель командующего войсками по тылу Юго-Восточного фронта [создан из частей Сталинградского фронта и действовал с 5 августа по 28 сентября 1942 г. – Т.Х.] генерал-майор Анисимов в директиве начальнику управления тыла отмечал: «Питание и снабжение продфуражем, горючим и боеприпасами проходящих частей, идущих на фронт, не организовано. Вместо хлеба, крупы, мяса частям выдается рожь или пшеница, идущие части буквально голодают». В срочном порядке приказывалось «полностью выполнить директиву по тылу в отношении организации заправочных и питательных пунктов для раненых и проходящих мелких команд». Для создания продовольственных запасов предлагалось активнее использовать «аппарат тыла»: взять на учет все мельницы, которых только в районе Басканчука насчитывалось не менее 5 по 500 т каждая, и организовать размол муки. Обращалось внимание, что в Сталинграде все мельницы были уничтожены, и оставалась только одна, с выводом из строя которой «подвоз муки должен идти от Вас. Все существующие мельницы использовать на полную мощность, суточный помол довести до 300 т. Запасы зерна <неразб.> до 100.000 т. Организовать производство крупы из пшеницы, ячменя, овса. Организовать заготовку мяса, овощей, молочных продуктов» [8]. Для своевременной заготовки продовольствия и фуража «на месте» с июля 1942 г. во всех армейских и фронтовых подразделениях создавались штатные группы. Однако отношение к их деятельности не всегда встречало понимание со стороны высокого начальства. А.И. Миренков, проанализировавший военно-экономическую составляющую Сталинградского сражения, приводит примеры, когда вопросы своевременной заготовки продовольствия расценивались командующими фронтами «отвлечением людей от настоящего дела» [9].

Вместе с тем, финансовое обеспечение заготовок производилось без каких-либо существенных задержек. Срывы в организации своевременного питания военнослужащих связывались с боевой обстановкой и распорядительностью непосредственного начальства. Приводимые в литературе нормы суточного довольствия по своей калорийности, по заключению исследователей, обеспечивали энергозатраты военнослужащих, а состав продуктов позволял готовить горячую пищу 2–3 раза в день. При этом нормы ее выдачи, да и сама возможность приготовления зависели от характера выполняемых боевыми подразделениями заданий, месторасположения армейских баз и наличных запасов продовольствия. А.М. Гуревич вспоминал об одной из таких продовольственных баз, расположенных на левобережье Волги: «Значит, рюкзак, такой – матрасовка, половина матрасовки, рюкзак вот так, вот и с этим рюкзаком я за сухарями ходил на пристань,

где переправились, туда и ходил. Там большие катакомбы такие были и там склады с продуктами, и со всем этим были, а называли это по простонародью солдаты “идти на баржу”. Там была баржа, как примета, перевернутая, на боку лежала, половина баржи лежала на берегу, а половина баржи – в воде и в самой этой барже тоже там сделали такие полки и туда хлеб складывали, это самое, сухари, сахар, продукты первой необходимости, мешки с крупой, в основном пшенка, кормили пшенкой в основном. Вот, пшенная каша, сухари, пшенная каша с маргарином, но это не голод, это не то, что в тылу люди, это не голод, кушали вот так [хорошо – Т.Х.]. Еще по два куска рафинада, когда делили сахар, не вешали, а вот я принесу мешок сахара в роту, старшина берет, тебе два кусочка, один меньше, один больше. Он не имел формы – рафинад. Не помните такой сахар?». Будучи «малым, смышленным не по годам», он уже тогда отметил, что «кушали хорошо», но «у офицеров все же получше было», «да и в госпитале получше ел»: «Вот, я проснулся, тихо и опять спустился в землянку, и в это время старшина посылал там, уже тушенку носили, уже сгущенку, молоко. И офицер один, мне говорит: “На, банку сгущенки”, я говорю: “Все мне?”, (офицер): “Ешь”. И вот я помню, как я ее съел – у меня вот тут защеколало в горле». «И вот, однажды, я лежал три месяца, меня выводили, лежал три месяца, а когда уже ходить начал, слабенький. Слабо кушал, бульончик иногда давали куриный мне, как генералу, а так никому не давали такой хорошей пищи» [10]. Обеспечение продуктами питания той же 100-й роты осуществлялось со складов Наркомата обороны, «мясо и овощи, кроме того, заготовливались по нарядам Упродснаба в селах, где дислоцировалась рота, и ближайших к ней селах» [11].

Начиная с лета 1942 г., ситуация в области бытового обеспечения военнослужащих стала постепенно меняться: «В конце ноября весь личный состав [100-й роты – Т.Х.] уже был обеспечен зимнем обмундированием: теплым бельем, ватными телогрейками, ватными шароварами, рукавицами, шапками-ушанками, валенками, подшлемниками, теплыми портянками. В отношении бытовых условий: имеются сапожная мастерская, парикмахерская. Один раз в неделю бойцы и командиры моются в банях и сменяют белье. Вишности нет совершенно. Стирку белья организывает старшина на договоренных условиях с колхозниками» [12]. Отмечалось укрепление дисциплины и расширение досуга. В течение года, с декабря 1941 г. по декабрь 1942 г., было проведено 21 партийное и 19 комсомольских собраний. За основу массовой воспитательной работы бралось «изучение исторических документов – выступлений, докладов, приказов тов. Сталина. За истекший год проведено 49 политзанятий, сделаны доклады и лекции по тематике, утвержденной Главным политуправлением РККА и политотделом ФЭП 75 [фельдшерский эвакуационный пункт – Т.Х.], как пример: об отечественной войне советского народа; героическое прошлое русского народа; о военной мощи СССР; о союзе СССР, США и Англии; о партизанской войне в тылу». С бойцов брались социалистические обязательства, приуроченные к 1 января, 23 февраля, 1 мая и 7 ноября. В дни революционных праздников проводились общие собрания личного состава с поощрением бойцов, выполнивших обязательства и отличившихся «в деле укрепления моральной самодисциплины». В роте была создана библиотека, насчитывавшая 170 книг и брошюр, имелись гармонь, шашки, шахматы, домино [13].

Улучшение ситуации с вещевым довольствием отмечали и участники событий того времени. А.М. Гуревич, оказавшийся «в гуще» Сталинградского наступления, неоднократно подчеркивал, что «все одеты были хорошо»: «Все одеты хорошо, одели хорошо всех, тепло одеты, все в сапогах, никаких обмоток этих, ничего не было. Все были одеты хорошо». «Что я хорошо помню: все были в сапогах. Всем дали портянки новые, байковые. Офицеры все в полушубки оделись. Солдатам, сержантам – фуфайка, ватные брюки, сапоги и бушлат, шапка. Одеты в рукавицы эти вот, двойные, с двумя пальцами, это я все хорошо помню» [14]. При этом на оборонительном этапе Сталинградского сражения боевые потери вещевого имущества были столь значительны, что мало кто надеялся «не носить и дальше обмоток». По данным, приводимым А.И. Миренковым, только по 51-й, 57-й, 62-й и 64-й армиям Сталинградского фронта за один месяц с 20.9.1942 по 20.10.1942 они составили: шинелей – 37191 шт.; хлопчатобумажных шаровар – 38173 шт.; пилюток – 36429 шт.; рубах нательных – 76532 шт.; сапог яловых и кирзовых – 13874 пары [15]. Показательно, что, несмотря на налаженность выпуска вещевого имущества,

производившегося в условиях военного времени со значительными отступлениями от технических норм и неизбежным снижением качества, последнее в целом оценивалось удовлетворительным. Исключением на протяжении всей войны оставался выпуск качественной кожаной обуви. Дефицит кожевенного сырья ввиду резкого сокращения поголовья скота привел к широкому использованию заменителей натуральной кожи. По заключению исследователей, «свыше 80 % военной обуви изготавливалось с применением обувной кирзы СК и резиновых подошв <...> В силу ряда причин (недостатка кондиционных материалов и фурнитуры, плохой квалификации рабочей силы, изношенности оборудования) в 1942 г. имели место случаи выпуска больших партий обуви низкого качества» [16]. Именно наличие некачественной кожаной обуви на резиновой подошве признавалось одной из причин обморожений военнослужащих [17].

Как отмечается в литературе, к концу 1942 г. органы квартирной службы Красной армии приобрели необходимый опыт по размещению военнослужащих, как в населенных пунктах, так и в полевых условиях. Последние требовали особого внимания, так как приспособленные под жилье блиндажи, вырытые землянки нуждались в обогреве. По разработанным нормативам необходимо было строить печи. Дефицит кирпича привел, в конечном итоге, к разработке чугунной разборной печи, получившей название «буржуйки». Они «изготавливались на заводах с централизованной оплатой их через КЭУ НКО, а железные непосредственно в войсках. В 1942 г. было изготовлено 73 тыс. переносных печей с комплектом труб» [18]. Участники Сталинградского сражения отмечали, что «жили вполне сносно»: *«Поехали, станица Качалинская, есть такая в Волгоградской области, это от Иловли недалеко, но она на Дону находится, станица Качалинская, на Дону, на реке Дон. Короче говоря, был там один старший лейтенант, он, вот я как привязался к ним, так я и жил с ними. Там поставили утепленные палатки, но холодно все равно было, поставили эти, печки, и мы находились в этих утепленных палатках». «Я приболел, вот в этой землянке на наших позициях. Маленькая земляночка была, солдаты отдыхали по очереди и офицеры, чай мы там пили, там у нас печурка была»* [19]. Е.М. Тюкина, сбежавшая на фронт и оказавшаяся под Сталинградом в бактериологической лаборатории, с большой любовью вспоминала медсанбатовскую «буржуйку»: *«А вот печка у нас была, мы ставили буржуйку, топилась она. Ну, тогда, понимаете, такое было время, что, как говорится даже и день, и ночь – все были заняты»* [20].

Бытовая неорганизованность и хаотичность армейской жизни постепенно сменялись ее нормированием. Нормированию подлежала и ставшая обыденной стороной армейской жизни смерть сослуживцев. В декабре 1941 г. начальником 3 отделения санитарного управления Юго-Западного фронта были подписаны «Санитарные правила захоронения трупов на полях сражений». Согласно правилам, захоронения должны были проводиться на братских кладбищах, *«для которых должен быть отведен специальный участок территории или выделен участок на общем кладбище»*. Участки земли под могилы должны были выбираться в отдалении от населенного пункта *«с разрывом не менее 300 метров»*; с учетом уровня состояния грунтовых вод; *«с таким учетом, чтобы уклон местности был в сторону, противоположную населенному пункту и источнику питьевого водоснабжения»*. В исключительных случаях захоронения могли производиться этажным способом с соблюдением санитарных норм. Поверх могилы надлежало насыпать холм земли высотой 40–50 см, который обкладывался дерном, камнем или *«иным строительным материалом»* [21].

Началась регламентация и отдыха военнослужащих. 18 октября 1942 г. был принят приказ № 035, согласно которому для личного состава частей и соединений действующих армий Сталинградского фронта вводился краткосрочный отдых *«с пребыванием в домах отдыха»*. Отдых предоставлялся всему личному составу, *«прослужившему в боевых частях не менее 10 месяцев и непосредственно участвовавшему в боях; личному составу, отличившемуся в процессе боевых действий – в порядке поощрения, вне зависимости от срока службы; личному составу, нуждающемуся в отдыхе в результате переутомления, независимо от срока службы»*. Отдых предоставлялся в январе–апреле и должен был предоставляться без ущерба для боевых действий: на отдыхе одновременно могло находиться не более 3 % от наличного состава части. Его длительность для рядового состава определялась в количестве 6 дней, для младшего, старшего и высшего начсостава – 8 дней.

Дома отдыха должны были располагаться в районе «своих армейских баз» на линии Ахтуба – Солодники – Черный Яр – Никольское, а для 28-й армии – в Астрахани. По распоряжению командующего войсками Сталинградского фронта генерал-полковника А.И. Еременко приказывалось *«отвести для домов отдыха лучшие помещения, создать в них необходимый уют и хорошее культурно-бытовое обслуживание с таким расчетом, чтобы отдыхающий боец и командир могли в короткий срок восстановить свои силы и внешне привести себя в культурный воинский вид. В частности: организовать при домах отдыха библиотеки, киноустановки, санпропускники, починочные мастерские. Создать обменный фонд обмундирования, обуви и нательного белья»*. 2 дома отдыха на 50 и 150 мест планировалось открыть 1 декабря 1942 г. [22]

В апреле 1942 г. приказом № 095 по Юго-Западному фронту принимались срочные меры по *«улучшению доставки почты и печати бойцам, командирам и политработникам»*. Причиной тому послужила ненадежность руководства службой войсковых почтальонов, выразившаяся в нерегулярном получении почтальонами писем, их скоплением на полевых почтовых станциях. С целью *«налаживания работы в этой сфере»* армейским почтовым базам выделялись по одному вездеходу и машине на гусеничном ходу. Начальникам почтовых полевых станций и отделений полевой связи вменялось в обязанность *«организовать четкое и культурное обслуживание личного состава войсковых частей. В помещениях почтовых станций и баз навести чистоту, опрятность и удобства, как в рабочих помещениях, так и в комнатах для посетителей»* [23].

Выводы

Состояние и организация быта в войсковых подразделениях Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов в рассматриваемый период времени несли на себе отпечаток общего положения дел, складывавшегося в ходе военного противостояния с противником. От общей неустроенности первого года войны фронтовая повседневность постепенно перемещалась в плоскость приказного нормирования, внося в жизнь военнослужащих уже изрядно позабытые элементы довоенного комфорта и благоустроенности. Следует отметить, что в 1942–1943 гг. войсковые подразделения Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, находясь на передовой линии обороны, а затем в контрнаступлении под Сталинградом, несли большие потери, как в живой силе, так и в вещевом, обозно-хозяйственном имуществе. Их бытовые нужды находились в центре внимания высшего военного командования и удовлетворялись несколько быстрее.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Продолжительность: 168 мин. Запись: 3 апреля 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

2. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 229. Оп. 195. Д. 17. Л. 270.

3. Там же. Л. 272.

4. Там же. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 4.

5. Там же. Ф. 48. Оп. 470. Д. 4. Л. 322.

6. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. URL: <http://soldat.ru/files/4/6/15/111/> (дата обращения: 24.12.2014).

7. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.

8. ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 470. Д. 4. Л. 47.

9. Миренков А.И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (дата обращения: 24.12.2015).
10. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.
11. ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 12.
12. Там же.
13. Там же. Л. 17–19.
14. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.
15. Миренков А.И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (дата обращения: 24.12.2015).
16. Там же.
17. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 366. Д. 21. Л. 275.
18. Миренков А.И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (дата обращения: 24.12.2015).
19. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.
20. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
21. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 195. Д. 5. Л. 449.
22. Там же. Ф. 48. Оп. 470. Д. 6. л. 107, 107об.
23. Там же. Ф. 206. Оп. 307. Д. 1. Л. 116, 116об.

References:

1. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, M.V. Medvedev, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: Institut social'no-jekonomicheskikh i gumanitarnyh issledovanij JuNC RAN. Pro-dolzhitel'nost': 168 min. Zapis': 3 aprelja 2014 g. // Arhiv laboratorii is-torii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
2. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF (dalee – CAMO RF). F. 229. Op. 195. D. 17. L. 270.
3. Tam zhe. L. 272.
4. Tam zhe. F. 206. Op. 307. D. 22. L. 4.
5. Tam zhe. F. 48. Op. 470. D. 4. L. 322.
6. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Prikazy narodnogo komissa-ra oborony SSSR 22 ijunja 1941 g. –1942 g. T. 13 (2–2). M., 1997. URL: <http://soldat.ru/files/4/6/15/111/> (data obrashhenija: 24.12.2014).
7. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.
8. CAMO RF. F. 48. Op. 470. D. 4. L. 47.
9. Mirenkov A.I. Voенно-jekonomicheskij faktor v Stalingradskom sra-zhenii i Kurskoj bitve. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (data obrashhenija: 24.12.2015).
10. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.
11. CAMO RF. F. 206. Op. 307. D. 22. L. 12.
12. Tam zhe.
13. Tam zhe. L. 17–19.
14. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.
15. Mirenkov A.I. Voенно-jekonomicheskij faktor v Stalingradskom srazhenii i Kurskoj bitve. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (data obrashhenija: 24.12.2015).
16. Tam zhe.
17. CAMO RF. F. 62. Op. 366. D. 21. L. 275.
18. Mirenkov A.I. Voенно-jekonomicheskij faktor v Stalingradskom srazhenii i Kurskoj bitve. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (data obrashhenija: 24.12.2015).
19. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.

20. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 105 minut. Zapis' 7 marta 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

21. CAMO RF. F. 229. Op. 195. D. 5. L. 449.

22. Tam zhe. F. 48. Op. 470. D. 6. l. 107, 107ob.

23. Tam zhe. F. 206. Op. 307. D. 1. L. 116, 116ob.

УДК 94(47).084.8

Состояние и организация быта в войсковых подразделениях Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов (1942–1943 гг.)

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена различным аспектам состояния и организации повседневной жизни войсковых подразделений Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов в 1942–1943 гг. Рассматриваются вопросы их продовольственного и вещевого снабжения, обеспечения бытовых нужд и проведения досуга. В основе статьи – документы Центрального архива Министерства обороны РФ, записанные воспоминания участников событий того времени, опубликованные источники.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Юго-Западный фронт; Сталинградский фронт; Донской фронт; нормированная повседневность; быт; досуг

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 7, Is. 1, pp. 48-56, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.7.48
www.ejournal6.com

UDC 378.6

Iraqi Military Academies

Nodar Z. Mossaki

Institute of Oriental Studies of the Russian Academies of Sciences, Russian Federation
Rozhdestvenka street, 12, Moscow, 107031
E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Abstract

The article analyzes the system of training of officers in military academies in Iraq – in Zakho, Qalacholan, ar-Rustamiyah and an-Nasiriyah. The author describes the history of creation, process of evolution, challenges and features of training in these colleges. Particular attention paid to military academies in the territory of Iraqi Kurdistan, which actually do not obey the central government of Iraq, however, have the highest level of training. Currently, Iraq's military academies operate on the basis of the NATO standards. Iraqi military academies paid much attention to the specifics of the military and political situation in Iraq – counterinsurgency and counterterrorism operations, patrolling cities, fighting in an urban environment etc. Significant place in the curriculum take the courses contributing to the formation of pro-Western sentiment.

Keywords: Iraq; Kurdistan Region; military academies; Zakho; Kalacholan; ar-Rustamiyah; an-Nasiriyah; NATO.

Введение

2014 год Ираке начался с установления контроля боевиков ИГИЛ над районом Фаллуджа на западе страны. Однако этот боевой успех ИГИЛ всё же был локальным явлением. Установление в июне 2014 г. контроля над вторым крупнейшим городом в Ираке – Мосулом – и рядом районов в так называемом «суннитском треугольнике» в центральной части страны превратили ИГИЛ, провозгласившей халифат, в реальную власть на значительной части территорий Ирака и Сирии. Иракская армия не смогла оказать ни малейшего сопротивления силам ИГИЛ, побросав оружие и сбежав с территорий, на которых находилась для их защиты. Последующие боевые действия между боевиками ИГИЛ и иракскими войсками также показали слабость иракской армии. Единственной военной силой в Ираке, показавшей достаточно высокий уровень организации и военной мощи, оказалась армия Иракского Курдистана, сумевшая занять в июне 2014 г. ряд районов, не входивших ранее в состав административных границ Курдистана, однако которые курды считают территорией этногеографического Курдистана. В конце 2014 г. войска Иракского Курдистана начали наступление на силы ИГИЛ в ряде районов провинции Найнава (Мосул), освободив некоторые территории.

Качественный состав современной иракской армии существенно отличается от армии в эпоху Саддама Хусейна. Тогда основной костяк офицерства составляли арабы-сунниты, подготовка которых осуществлялась в единственной в Ираке военной академии,

функционировавшей в значительной степени по советским образцам. Свержение баасистского режима и приход к власти в Багдаде шиитов привели к уходу из иракской армии арабов-суннитов, часть из которых действует в рамках ИГИЛ.

В этих условиях небезынтересным является анализ системы подготовки офицерских кадров в Ираке, часть из которых действует в рамках наиболее боеспособной военной силы в Ираке – курдистанских пешмерга, а другая часть – в иракской армии – в войсках, неспособных противостоять боевикам исламистской организации.

В Ираке в настоящее время действуют 4 военные академии – в Захо (провинция Дохук, рядом с границей с Турцией), в Калачолане (провинция Сулеймания, близ границы с Ираном), в Рустамии (в 10 км к юго-востоку от Багдада) и в Насирии.

Академии в Захо и Калачолане находятся на территории Региона Курдистан и фактически представляют собой курдистанские военные учебные заведения. Наиболее престижной является академия в Захо.

Академии в Захо и Калачолане

Военная академия в Калачолане (ВАК) находится недалеко от города Сулеймании, где традиционно находится ставка лидера Патриотического союза Курдистана (ПСК) Джалала Талабани, занимавшего в 2005–2014 гг. пост президента Ирака. ВАК была создана в 1992 г., а академия в Захо – в 1996 г. Эти военные академии созданы на месте бывших военных баз Демократической партии Курдистана (ДПК) и ПСК.

Обе курдистанские военные академии были учреждены после создания в 1992 г. Соединёнными Штатами и их союзниками «зоны безопасности» на части территории Иракского (Южного) Курдистана, которая положила конец контролю иракских властей над территорией тогда ещё Курдского автономного района (КАР). Военная академия в Калачолане была создана по инициативе Джалала Талабани. Толчком к учреждению военной академии в Захо стал междоусобный конфликт 1994–1996 гг. между ДПК и ПСК. В 1996 г. на территории Южного Курдистана были созданы два региональных правительства – с центром в Эрбиле (провинции Эрбиль и Дохук) под властью ДПК и в Сулеймании под властью ПСК. После этого обе крупнейшие курдские политические партии начали фактически осуществлять строительство профессиональных вооружённых сил. Процесс формирования профессиональных армий ДПК и ПСК на основе повстанческих формирований пешмерга происходил одновременно с процессом создания партийных бюрократий при соответствующих региональных правительствах, резко ускорившись после свержения баасистского режима в Ираке. Хотя до настоящего времени этот процесс всё ещё не завершён, сегодня можно уже говорить о создании профессиональной армии Региона Курдистан (точнее – пока двух профессиональных армий ДПК и ПСК), характеризующейся высокой боеготовностью, что и подтвердили события, связанные с борьбой с ИГИЛ. Фактически обе военные академии Курдистана являются партийными (ДПК и ПСК) вузами, хотя к академии в Захо это ныне относится уже в меньшей степени. В них готовят офицеров (подготовка длится год) для пешмерга (курдское название военнослужащего, точнее – воина, соответственно, силы пешмерга – армия). Пешмерга до сих пор являются фактически партийными вооружёнными силами, хотя формально объединение сил пешмерга ДПК и ПСК уже состоялось. Именно по этой причине военной академии нет в Эрбиле. Столица Южного Курдистана является лимитрофным регионом и очень уязвима с военно-стратегической точки зрения. Курдистанские военные академии созданы в военных бастионах ДПК и ПСК. Академия в Захо благодаря американцам стала более сильным и престижным военным учебным заведением (на сегодня это лучшая военная академия в Ираке), в последнее время в какой-то мере вышла за рамки ДПК, превратившись по набору в некоторой степени в общеиракскую. Однако она, как и академия в Калачолане, лишь формально подведомственна министерству обороны Ирака.

Подготовку в этих военных академиях осуществляли этнические курды, ранее обучавшиеся в военной академии в Багдаде, и служившие в иракской армии, а также пешмерга, имевшие большой опыт вооружённой борьбы против иракских войск. Система обучения была построена на основе военной академии в Багдаде, которая в свою очередь заимствовала британскую систему военного обучения.

В 2004 г. по предложению оккупационных властей Ирака курдистанские лидеры согласились на включение военных академий в Захо и Калачолане в общеиракскую систему военного образования. В арабской части Ирака царил хаос, и арабскими повстанцами осуществлялись широкомасштабные операции против войск НАТО. Курдистан являлся единственным безопасным и к тому же проамериканским регионом Ирака, поэтому Соединённые Штаты придавали военным академиям в Захо и Калачолане особое значение для подготовки нового иракского офицерского корпуса, желая заменить им баасистских командиров.

В военной академии в Захо (ВАЗ) с 2005 г. начали в значительном количестве набирать арабов, численность которых в некоторых выпусках составляла до 20 %, в то время как в Калачолане численность арабов-курсантов не превышает нескольких процентов (в Рустамии курдов около 1–2 %, а подавляющее большинство арабы, преимущественно шииты). По-видимому, курдистанские власти желали создать таким образом прокурдские симпатии среди будущих офицеров иракской армии. Однако увеличение численности арабов в военной академии в Захо объяснялось также, по-видимому, желанием американцев вырастить проамериканскую военную элиту и среди арабского населения Ирака.

В связи с резким увеличением доли арабов в ВАЗ обучение, которое ранее велось на курдском и арабском языках, ныне в большей степени переведено на арабский [1. С. 85], хотя в подразделениях пешмерга используется лишь курдский язык. В целом «иракизация» курдистанских военных академий и их подчинение министерству обороны Ирака была формальной. Руководителями (офицеры) ВАЗ, как и в Калачолане, являются курды. В Захо – в основном дохукцы, являющиеся основной базой поддержки ДПК. Некоторые из них ещё в эпоху Саддама Хусейна получили военное образование в военной академии в Багдаде. Лица, отправляемые министерством обороны Ирака на обучение в ВАЗ, могут попасть в военные академии в Курдистане лишь после одобрения курдских офицеров. Таким образом, курды получили доступ к финансированию из иракского бюджета, сохранив при этом полную автономию.

Калачолан в качестве военной базы и местонахождения руководства ПСК был выбран не только в связи с военно-стратегическим положением этого района. Калачолан является исторической столицей известного курдского княжества Бабанов, территория которого включала в основном районы, совпадавшие с территорией существовавшего до 2006 г. Регионального правительства в Сулеймании. Город Сулеймания был основан в 1784 г. в качестве новой столицы княжества именно вместо Калачолана.

За недолгое время своего существования военные академии Курдистана проделали значительный путь. Так, сразу после своего создания эти учебные заведения мало чем напоминали военные академии, как с точки зрения материально-технической оснащённости, так и научно-методическому потенциалу. Например, во время создания военной академии в Захо, в которую был принят 21 курсант, представляла собой отсталую неухоженную небольшую военную базу. Следует отметить, что для курдов, ранее не вовлечённых в государственную систему, сама система стандартизированного военного обучения была в новинку. Ранее пешмерга проходили в основном обучение в боевых действиях.

После свержения баасистского режима фактически руководство над военной академией в Захо взяли американцы. Они профинансировали расширение (точнее – создание новой) материально-технической базы и оснащения академии стоимостью около 10 млн долларов США, превратив военную академию в Захо в современное учебное заведение и ведущий военный вуз в Ираке [2, 3].

Основную часть работ осуществляли турецкие подрядчики и небольшую часть – дохукские компании под непосредственным контролем инженерных подразделений армии США. Большая часть стройматериалов также была импортирована из Турции. В 2004–2005 гг. на территории военной академии в Захо был построен комплекс зданий и сооружений для военной подготовки курсантов. Заметное улучшение материально-технической базы академии в Захо вместе с американскими инструкторами и традиционно высоким военным умением и опытом руководства пешмерга превратили военную академию в Захо в ведущий военный вуз в Ираке. Преимуществом военной академии в Захо являются и физико-географические характеристики прилегающей территории, позволяющие

осуществлять подготовку с учётом различных ситуаций. Возможно, вскоре военная академия в Захо станет одной из лучших в регионе, особенно с точки зрения практической подготовки выпускников. По боевым характеристикам выпускников уровень подготовки в военной академии в Захо в Ираке нередко сравнивают с американской военной академией в Вест-Пойнте [4], хотя техническая подготовка кадетов этих двух академий, естественно, несравнима.

В 2000–2004 гг. военная академия в Захо ежегодно выпускала около 150 офицеров. По состоянию на 2006 г. в военной академии в Захо обучалось уже более 600 курсантов. Впоследствии их количество несколько увеличилось. В академию принимаются на основе полного среднего образования (после 12 лет обучения в школе) в возрасте от 18 до 23 лет (более подробные требования к желающим поступить в академии в Захо и Калачолане см. на сайте министерства по делам пешмерга Курдистана [5]). Считается, что в академии в Захо (как, впрочем, и в Калачолане) одна из самых строгих процедур отбора и перманентного контроля курсантов в связи с опасениями, что туда очень хотят просочиться представители террористических организаций.

Продолжительность обучения в академии составляет 1 год и разделена на три периода. Ранее период обучения в академии составлял 1,5 года, однако в связи с необходимостью ускоренной подготовки офицерского состава при формировании новой иракской армии после свержения Саддама Хусейна, продолжительность обучения была уменьшена при сохранении объёма программы. В 2007 г. академия выпустила два потока лейтенантов – в январе 2007 г. (чуть менее 300 человек), в июне 2007 г. (чуть менее 250 человек). В июле 2009 г. военную академию в Захо окончили 185 человек. К этому времени общий выпуск из военной академии в Захо составил 4021 человек [6]. В последние годы академия ежегодно выпускает (два выпуска в год) 600–1000 человек. Количество выпускников военной академии в Калачолане составляет в год около 300 человек.

Предполагается, что в скором времени курсанты военной академии в Захо, кроме званий младших офицеров («второго лейтенанта»), будут получать также степень бакалавра в области инженерных наук. Это потребует увеличения срока подготовки курсантов, поскольку, несмотря на интенсивность обучения, 1 год явно недостаточен для полноценной подготовки офицерского корпуса, особенно для работы в последующем на старших и высших офицерских должностях. Однако в академии в Захо время от времени по программам НАТО проводятся интенсивные 1–2 месячные курсы переподготовки офицеров и военных преподавателей всех иракских академий.

В военные академии Курдистана отбираются лучшие кадры, что обусловлено как экономическими, так и патриотическими причинами. Офицерский корпус в Иракском Курдистане (как армейский, так и в полиции и в службах безопасности) является относительно высокооплачиваемым классом, которому при этом не грозит безработица. А уровень безработицы в Курдистане традиционно очень высок. Немалую роль играет также элемент социального престижа – быть офицером в Курдистане весьма престижно. Кроме того, желание значительного количества курдских юношей стать офицером имеет под собой патриотическую подоплёку. В настоящее время Иракский Курдистан представляет собой полунезависимое квази-государственное образование, что сильно раздражает как Багдад, фактически не имеющего никакого влияния в этом регионе, так и соседние страны. Сильная армия рассматривается в Курдистане в качестве важнейшего условия безопасности, а также в качестве одного из факторов потенциальных будущих политических процессов. Поэтому власти Курдистана уделяют армии особое внимание. Ситуация в Ираке в последние годы подтвердила правомерность особого внимания к армии. Именно благодаря наличию боеспособной армии Курдистан является наиболее безопасным районом Ирака. Как показали события в Ираке, пешмерга оказались единственной силой, сумевшей противостоять ИГИЛ, с лёгкостью завоёвывавшего огромные территории у иракской армии, и обеспечить спокойствие и безопасность Иракского Курдистана.

В военных академиях Курдистана осуществляется также подготовка офицерских кадров из лиц, получивших высшее образование по гражданским специальностям. Так, в мае 2008 г. в военной академии Калачолан состоялся выпуск 78 офицеров, прошедших полугодовую подготовку на базе высшего образования в Калачолане. Однако набор в академии лиц с высшим образованием нерегулярен.

Военные академии Курдистана играют важнейшую роль при строительстве армии Курдистана, которая создавалась на месте народного ополчения.

Понимая, что курдистанские военные академии являются одним из каналов подготовки профессиональных командиров для армии Курдистана, иракское правительство попыталось ликвидировать их. В ноябре 2009 г. иракскими властями было принято решение (приказ министра обороны Ирака № 566) о расформировании с 15 января 2010 г. курдистанских военных академий (а также академии в Насирии) и преобразовании их в обычные военные школы, по-видимому, имея ввиду что-то наподобие сержантских школ. Иракские власти свою позицию мотивировали тем, что уже нет необходимости в нескольких военных академиях, и для подготовки офицерского состава достаточно академии в Рустамии [7]. Руководство Курдистана считало, что эти действия правительства Ирака имели политический подтекст [8], и выступило резко против закрытия академий. Курдистанские власти считали, что ликвидация военных академий в Курдистане, куда ежегодно поступали сотни курдов, предотвратит их приток в иракскую армию, где и так доля курдов значительно меньше их доли в населении страны (8 % в 2009 г. [8] и 3 % – в 2014 г. [9] против 20–25 %). Хотя курды занимают ряд высших военных постов Ирака, например, начальника генштаба, однако присутствие курдов в иракской армии всё же формально. Подчёркивалось также нежелание курдской молодёжи ездить на обучение в военную академию в Багдад в связи с отсутствием безопасности в иракской столице. Кроме того, по мнению курдских лидеров, качество военной подготовки в военных академиях в Курдистане существенно выше, чем в Рустамии (не говоря уже о Насирии), что обусловлено как техническим оснащением, так и преподавательским составом. В Курдистане отмечали, что не подчинятся решению иракских властей, и вернут курдистанские военные академии в ведение министерства по делам пешмерга (министерства обороны Курдистана), как и было до их подчинения министерству обороны Ирака после свержения баасистского режима [10]. В середине января 2010 г. министерство обороны Ирака отменило своё решение о ликвидации военных академий в Захо и Калачолане.

Академия в Рустамии

Академия в Рустамии была создана в 1924 г. англичанами [11. Р. 28, 215] (первый выпуск состоялся в 1927 г.) и до последнего времени являлась одним из наиболее престижных учебных заведений в Ираке. Её сравнивали с известной британской военной академией, называя «Сандхерстом в песках» [12]. Эта академия является единственной в Ираке, где осуществляется подготовка офицеров для военно-воздушных сил [13].

Однако в 2003 г. во время американской кампании по свержению Саддама Хусейна академия в Рустамии в значительной степени была разрушена, и фактически распущена. В 2004–2005 гг. с помощью Многонациональных сил военная академия в Рустамии была восстановлена [14. Р. 173, 291]. Затраты на восстановление академии составили несколько десятков миллионов долларов.

Как заявляли военные инструкторы НАТО, академия в Рустамии после нескольких десятилетий обучения по советской системе, вернулась к своим истокам – программам британского Сандхерста. Правда, курсантами в Сандхерсте становятся лица, окончившие колледж, в то время как в Рустамию принимаются лица с полным средним образованием (12 лет обучения в средней школе). Обучение первого после свержения баасистского режима потока было начато в январе 2005 г., а первый выпуск офицеров – в январе 2006 г., когда дипломы академии получили 73 человека, окончившие интенсивный годичный (52 недели) курс [15] (ранее обучение составляло 3 года). Поддержка оказывалась в рамках Учебной миссии НАТО в Ираке (The NATO Training Mission-Iraq (NTM-I)), которая была создана в 2004 г. Контроль над академией официально был передан Ираку в 2009 г., хотя основную роль продолжают играть американские советники и инструкторы.

Ранее продолжительность обучения в военной академии в Рустамии составляла 3 года. Однако в связи с острой нехваткой офицерского состава была принята система обучения в академии Сандхерста, продолжительностью подготовки 44 недели. Хотя, следует отметить, что подавляющее большинство курсантов Сандхерста уже имеют высшее образование (как правило, степень бакалавра).

В конце 2007 г. военная академия в Рустамии выпустила более 200 офицеров (в т.ч. более 40 из них было направлено на подготовку в лётную школу, созданную на военно-воздушной базе в Киркуке). С 2009 г. академия выпускает ежегодно 600–800 младших офицеров, из них 25–35 % для военно-воздушных сил.

В Рустамии кроме военной академии находится Колледж объединённого штаба (КОШ), в котором обучаются младшие и старшие офицеры, а также Национальный оборонный колледж (НОК) для генералитета (создан в 2006 г., обучение 11 месяцев) и Оборонный институт стратегических исследований. Все они составляют учреждённый в 2005 г. при помощи структур НАТО Национальный университет обороны. НОК ежегодно оканчивают несколько десятков (15–30) человек.

Академия в Насирии

Военная академия к востоку от города Насирия в населённой шиитами провинции Ди-Кар была создана в 2007 г., а первый выпуск лейтенантов из неё состоялся в 2008 г. Это наименее престижная и слабая с точки зрения военной подготовки из иракских военных академий. Количество выпускаемых офицеров из неё также наименьшее – около 100 лейтенантов. Однако академия играет важную роль для подготовки офицеров-шиитов, не желающих учиться в Багдаде или в Курдистане. Почти все курсанты – шииты. Военная ситуация в Ираке в 2014 г. показала низкий уровень подготовки шиитских офицеров, неподготовленных к ведению боевых действий даже в условиях значительного превосходства в живой силе и технике.

Обучение в военных академиях Ирака

Подготовка в военных академиях Ирака в целом проходит на основе стандартов и курсов НАТО.

Кроме традиционной военной подготовки в иракских военных академиях значительное внимание уделяется особенностям военно-политической обстановки в Ираке. Упор делается на противоповстанческие и антитеррористические операции, технику патрулирования городов и населённых пунктов, боевые действия в городских условиях, зачистки в городских кварталах, реагированию на различные инциденты, контакты с местным населением и т.д.

Особой интенсивностью обучения отличается военная академия в Захо. В этой академии осуществлён синтез военного искусства и высокого морального настроения курдов (ДПК) с американскими стандартами военной подготовки. Многие курдские военачальники (как и нынешние курдские политические лидеры) имеют большой опыт боевых действий с иракской армией в эпоху Саддама Хусейна, которая многократно превосходила силы курдов в живой силе и технике. Высоко оценивается и антитеррористическая подготовка курдских офицеров специальных подразделений. Именно благодаря деятельности пешмерга Иракский Курдистан является единственным безопасным регионом Ирака. Большую роль курдские военнослужащие сыграли и во время наиболее ожесточённых боёв и противоповстанческих операций в арабской части Ирака, хотя курдские лидеры старались не афишировать эти факты для предотвращения роста и без того сильных антикурдских настроений среди арабов. Введение курдских частей в какой-либо район фактически предопределяло ход и итог боевых действий, умирив противников. Охрану наиболее важных зданий и районов также осуществляли курдские пешмерга. Традиционный упор курдских пешмерга на лёгкое оружие и их мобильность являлись серьёзным преимуществом в условиях ведения нетрадиционной войны в Ираке. Выпускники военных академий за пределами Курдистана уступают в военной подготовке, что наглядно показывают неудачи иракской армии в ряде провинций страны, частично контролируемых различными незаконными вооружёнными формированиями.

Однако в подготовке курдских офицеров, как показали события, развернувшиеся в Ираке в июне 2014 г. имеются и слабые места. Традиционно пешмерга имели опыт партизанской вооружённой борьбы против регулярной армии. В то же время лица, имевшие опыт подобной войны, в большинстве своём уже покинули ряды пешмерга. Нынешний состав курдских пешмерга за исключением небольших операций 2003–2005 гг. не имел опыта боевых действий. Кроме того, курдские пешмерга не имели опыта фронтовой войны,

оказавшись в середине 2014 г. условиях, когда фронт с вражеским ИГИЛ получился растянут на 1050 км. При этом боевики ИГИЛ ведут бои, сочетая практику террористических актов, осуществляемых фанатиками-самоубийцами на начинённых взрывчатыми веществами грузовых автомобилях, партизанских вылазок и фронтовых боёв, то есть действий, опыта вооружённой борьбы против которых пешмерга не имели. Тем более что в руках у ИГИЛ оказалось огромное количество самого современного оружия западного производства. Пешмерга, вооружённые преимущественно лёгким стрелковым оружием, существенно уступали им в военной технике. Поэтому пешмерга первоначально даже отступили из некоторых районов, уступив их ИГИЛ. Однако вскоре пешмерга вернули контроль над потерянными районами (Гявар, район Мосульской плотины – в провинции Мосул, Махмур – в провинции в Эрбиль, ряд территорий в провинциях Киркук и Дияла).

Кроме боевой подготовки иракские курсанты проходят подготовку в области «демократических ценностей», этики и т.д., в ходе которой у будущих иракских офицеров должны укорениться прозападные настроения. Особое внимание в военной академии в Захо, как и в Рустамии, уделяется психологической подготовке будущих офицеров и упору на их личные качества. По словам американских инструкторов, подготавливаемые ими в иракских военных академиях офицеры новой армии должны стать будущими лидерами Ирака. Поэтому отдельный курс, как и в западных военных колледжах, посвящён лидерству. Особая роль принадлежит обучению английскому языку. Как известно, курсы английского языка в странах, являющимися союзниками или сателлитами США, в структуре военного образования наряду с боевой подготовкой являются чуть ли не основными. Знание английского языка позволяет американским офицерам непосредственно взаимодействовать с местными военнослужащими, вовлекать их в различные совместные мероприятия, обеспечить обучение более высокого качества, поскольку почти вся литература и технические документы на английском языке. Важное значение имеет и включение местных офицеров в единое глобальное пространство. Владение английским языком исключает всякие барьеры коммуникаций в современном мире, придаёт уверенность.

После воссоздания системы военного образования в Ираке в 2004–2005 гг. в военных академиях Ирака наблюдались различия в программах обучения. Американские военные провели большую работу над преодолением этих различий, пытались создать стандартные курсы для всех иракских военных академий.

Несмотря на непродолжительный срок подготовки офицеров, фактически принята система НАТО о регулярной переподготовке командиров на курсах продолжительностью в несколько недель.

Заключение

Таким образом, иракские военные академии действуют на основе стандартов Североатлантического блока, а нынешние иракские офицеры готовятся инструкторами НАТО. Соответственно, в значительной мере происходит и переход на вооружения и технику НАТО. В ближайшие несколько лет в иракской армии вряд ли останутся командиры, получившие военное образование в СССР и России, тем более что большинство из них уволили из армии в рамках процесса дебаасификации.

Несмотря на полное доминирование США в Ираке, представляется необходимым возобновление образовательных связей в военной области между Россией и Ираком. С одной стороны, это предоставило бы возможность иракским властям, желающими несколько снизить уровень американской «опеки», хотя бы частично диверсифицировать подготовку офицеров. Кроме того, Ирак остаётся для России важнейшим перспективным рынком вооружений. Россия в настоящее время осуществляет подготовку лишь небольшого числа иракских специалистов для обслуживания приобретаемой у России военной техники. Так, в конце сентября 2013 г. в Центре боевого применения армейской авиации в Торжке завершила обучение по освоению вертолёт МИ-35 группа иракских специалистов, которые будут использовать вертолёт [16]. В октябре 2014 г. группа иракских военнослужащих закончила под Багдадом трехмесячный курс обучения по использованию тяжелой огнемётной системы ТОС-1А «Солнцепек» [17]. Однако существует необходимость подготовки или прохождения различных курсов в российских военных вузах офицеров, в том числе старшего и высшего звена для наличия в военной элите Ирака лиц с российским

военным образованием и поддержания военного сотрудничества. При этом следует отметить важность обучения в военных вузах России и представителей пешмерга, представляющих сегодня наиболее боеспособные силы в Ираке и традиционно высоко оценивающие русское военное искусство. Тем более, что не исключено превращение пешмерга в армию независимого государства. Следует отметить, что Иран уже предложил Ираку осуществлять подготовку иракских офицеров в иранских военных учебных заведениях [18].

Примечания:

1. Fantapié, M. *Armed Forces Based in Iraqi Kurdistan: A Lens to Understand the PostSaddam Era // From Desolation to Reconstruction: Iraq's troubled journey*. Ed. by Lamani, M. & Momani, B. Waterloo (ON, Canada), Wilfrid Laurier University Press, 2010. Pp. 85–94.
2. Zakho Military Academy, Zakho, Iraq. [Электронный ресурс] /Office of the Special Inspector General for Iraq Reconstruction. – Arlington, 2006. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a533641.pdf> (дата обращения: 15.02.2015).
3. Emert, Rick. *Construction project at academy a key step in rebuilding Iraq's military // Stars and Stripes*, 09.08.2005.
4. McKinney, Claude D. *Zakho military academy rebuilds* 8.1.2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2006/1/government535.htm> (дата обращения: 15.02.2015).
5. *Students' Conditions to Offer the Military College*. URL http://mope.krg.org/detail_articals-e.php?id=8409&z=2&l=31 [Электронный ресурс] [сайт министерства по делам пешмерга Курдистана], 18.09.2012 (дата обращения: 15.02.2015).
6. 185 xwendikarên kolêja leşkerî ya Zaxoyê bawernameya zanistî ya leşkerî wergirtin. [185 учащихся военного колледжа в Захо получили дипломы.]. PUKmedia, www.pukmedia.com [Электронный ресурс] [Сайт Патриотического союза Курдистана], 14.07.2009. [на курд. яз.]
7. Rashadaddin, Hawjin. *Baghdad attempts to close military colleges // The Kurdish Globe*, 26.11.2009.
8. Berhem Salihî ji Nûrî Malikî xwest ko meseleya kolejên eskerî çareser bike. [Премьер-министр Курдистана] Бархам Салех потребовал от Нури Малики решить проблему военных колледжей.]. [Электронный ресурс] URL: http://nefel.com/articles/article_print.asp?ArticleNr=4663, 26.11.2009. [на курд. яз.] (дата обращения: 15.02.2015).
9. *Iraq Deputy Premier: Maliki Did Not Want To Work With Kurds on Security*. [Электронный ресурс] URL: <http://rudaw.net/english/interview/16062014>, 16.06.2014. (дата обращения: 15.02.2015)
10. Barzani: we decide to establish an Army for Kurdistan and it is an old wish. [Электронный ресурс] URL: http://wikileaks.org/gifiles/docs/10/1090252_-mesa-barzani-we-decide-to-establish-an-army-for-kurdistan.html, 24.11.2009. (дата обращения: 15.02.2015)
11. Al-Marashi Ibrahim and Salama Sammy. *Iraq's Armed Forces: An Analytical History*. N.Y., Routledge, 2008.
12. Garamone, Jim. *Iraqis Adapt British Military Academy as Model*. American Forces Press Service. [Электронный ресурс] URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=15647> [сайт министерства обороны США] (дата обращения: 15.02.2015).
13. *375 Iraqi officer cadets graduate from ar Rustamiya military academy*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aco.nato.int/page8190012.aspx>, 13.01.2009 (дата обращения: 15.02.2015)
14. Cordesman, Anthony. *Iraqi Force Development: Can Iraqi Forces Do the Job? / Center for Strategic and International Studies*, Washington, 2005.
15. Giorfono J. *Rustamiyah military academy graduates first class of Iraqis // [газета министерства обороны США]*, Stars and Stripes, 22.01.2006.
16. «Военно-промышленный курьер», 18.10.2013.
17. Мясников В. *Боевиков в Ираке выжжет российский "Солнцепек" // «Независимое военное обозрение»*, 17.10.2014.
18. *Iran ready to train Iraqi army: General*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.irna.ir/en/News/81499321/>, 09.02.2014. (дата обращения: 15.02.2015)

References:

1. Fantapié, M. *Armed Forces Based in Iraqi Kurdistan: A Lens to Understand the PostSaddam Era // From Desolation to Reconstruction: Iraq's troubled journey*. Ed. by Lamani, M. & Momani, B. Waterloo (ON, Canada), Wilfrid Laurier University Press, 2010. Pp. 85–94.
2. Zakho Military Academy, Zakho, Iraq. /Office of the Special Inspector General for Iraq Reconstruction. – Arlington, 2006. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a533641.pdf> (accessed 15.02.2015).

3. Emert, Rick. Construction project at academy a key step in rebuilding Iraq's military // Stars and Stripes, 09.08.2005.
4. McKinney, Claude D. Zakho military academy rebuilds 8.1.2006. URL: <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2006/1/government535.htm> (accessed 15.02.2015).
5. Students' Conditions to Offer the Military College. URL http://mope.krg.org/detail_articals-e.php?id=8409&z=2&l=31, 18.09.2012 (accessed 15.02.2015).
6. 185 xwendikarên kolêja leşkerî ya Zaxoyê bawernameya zanistî ya leşkerî wergirtin. PUKmedia, www.pukmedia.com [Сайт Патриотического союза Курдистана], 14.07.2009. [In Kurdish]
7. Rashadaddin, Hawjin. Baghdad attempts to close military colleges // The Kurdish Globe, 26.11.2009.
8. Berhem Salihî ji Nûrî Malikî xwest ko meseleya kolejên eskerî çareser bike. URL: http://nefel.com/articles/article_print.asp?ArticleNr=4663, 26.11.2009. [In Kurdish] (accessed 15.02.2015).
9. Iraq Deputy Premier: Maliki Did Not Want To Work With Kurds on Security. URL: <http://rudaw.net/english/interview/16062014>, 16.06.2014. (accessed 15.02.2015)
10. Barzani: we decide to establish an Army for Kurdistan and it is an old wish. URL: http://wikileaks.org/gifiles/docs/10/1090252_-mesa-barzani-we-decide-to-establish-an-army-for-kurdistan.html, 24.11.2009. (accessed 15.02.2015)
11. Al-Marashi Ibrahim and Salama Sammy. Iraq's Armed Forces: An Analytical History. N.Y., Routledge, 2008.
12. Garamone, Jim. Iraqis Adapt British Military Academy as Model. American Forces Press Service. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=15647> [сайт министерства обороны США] (accessed 15.02.2015).
13. 375 Iraqi officer cadets graduate from ar Rustamiya military academy. URL: <http://www.aco.nato.int/page8190012.aspx>, 13.01.2009 (accessed 15.02.2015)
14. Cordesman, Anthony. Iraqi Force Development: Can Iraqi Forces Do the Job? / Center for Strategic and International Studies, Washington, 2005.
15. Giorfono J. Rustamiyah military academy graduates first class of Iraqis // [газета министерства обороны США], Stars and Stripes, 22.01.2006.
16. Voennno-promyshlennyi kur'er, 18.10.2013.
17. Myasnikov V. Boevikov v Irake vyzhzhel rossiiskii "Solntsepek" // «Nezavisimoe voennoe obozrenie», 17.10.2014.
18. Iran ready to train Iraqi army: General. URL: <http://www.irna.ir/en/News/81499321/>, 09.02.2014. (accessed 15.02.2015)

УДК 378.6

Военные академии в Ираке

Нодар Зейналович Мосаки

Институт востоковедения РАН, Российская Федерация
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Кандидат исторических наук
E-mail: nodarmossaki@gmail.com

Аннотация. В статье даётся обзор военных академий Ирака. Раскрывается роль военных академий на территории Иракского Курдистана с точки зрения влияния на внутрииракские процессы, а также процесс строительства независимого Курдистана. Роль курдистанских военных академий, из выпускников которых формируется офицерский корпус сил пешмерга, – курдистанской армии – стала особенно наглядной в условиях захвата боевиками Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) значительных территорий в западной и центральной частях Ирака. Пешмерга оказались единственной силой, способной не только противостоять исламским боевикам, но и обеспечить безопасность во всём этногеографическом Иракском (Южном) Курдистане.

Ключевые слова: Ирак; Регион Курдистан; военные академии; Захо; Калачолан; Рустамия; Насирия; НАТО; пешмерга.